

КАЩЕЙ.

ПРОБУЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кащей Бессмертный Пробуждение

<https://litres.ru/74381619>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кащей пережил века, войны и смерть женщины, которую считал своей единственной любовью. Она никому не позволять подходить слишком близко. Их встреча не должна была изменить ничего. Но пробудила то, что слишком долго спало. Его сердце навсегда осталось в другой жизни - рядом с Василисой, потерянной среди огня, снега и крови.

Но Алиса Никольская не верит в мистику, судьбу и мужчин, привыкших получать всё. Она встречает Кащея как противника - холодно, резко, без страха. Чем ближе становится Алиса, тем сильнее оживает прошлое Кащея: древние обещания, руны под кожей, лица из забытых времён и сила, которая не должна была вернуться. Он не знает, возможно ли любить снова, не предав ту, которую потерял. Она не знает, можно ли довериться мужчине, внутри которого живёт целая вечность.

«Пробуждение» - тёмный роман о страсти, власти, древней памяти и любви, которая приходит не для того, чтобы спасти человека, а чтобы заставить его снова стать живым.

Содержание

Введение	4
Глава I	6
Глава II	21
Глава III	26
Глава IV	48
Глава V	53
Глава VI	65
Глава VII	88
Глава VIII	118
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Кашей Бессмертный

Пробуждение

Введение

Эта книга родилась не из желания говорить. Она родилась из невозможности молчать.

Есть вещи, которые нельзя объяснить мягко.

Есть правды, которые нельзя упаковать так, чтобы всем было удобно.

И есть сила, которую либо принимаешь целиком, либо теряешь навсегда.

Я благодарен тем, кто был рядом, когда эта книга писалась.

Тем, кто видел меня не только сильным.

Тем, кто выдерживал тишину, напряжение, внутреннюю работу, когда слова ещё не сложились, а путь уже требовал идти дальше.

Близким за то, что не требовали быть проще. За то, что не пугались глубины.

За то, что оставались, даже когда это было непросто. Эта книга не попытка изменить мир.

Мир всегда сопротивляется. Это попытка напомнить: живое нельзя отменить, душу нельзя усыпить навсегда, а сво-

бода — это не подарок, а ответственность.

Если ты держишь эту книгу в руках, значит, в тебе уже есть то, что не согласилось уснуть.

Береги это.

И решай сам, что с этим делать дальше.

Глава I

Утро, которое дышит лесом

Утро в загородном доме разливалось медленно, как туман между соснами. Лес ещё не проснулся до конца: ветви держали остатки ночной влаги, кое-где на коре блестели тонкие ледяные корочки, по которым лениво текли редкие капли. Ветер шёл с полей - холодный, плотный, пахнущий сырой землёй и подтаявшим снегом. Дом стоял на небольшом возвышении, и отсюда лес уходил вниз, слоями. Ближние стволы были чёткими, с грубой корой, в трещинах и смоле. Дальше всё растворялось в молочном белёсом воздухе, пока не превращалось в сплошное пятно тумана. С тонкой линией солнца где-то высоко, над всем этим. Кашей отодвинул тяжелую штору, немного приоткрыл окно и вдохнул. Хорошее утро. Живое. Такое, в котором мир ещё ни к чему тебя не принуждает. Воздух был холодный, но правильный - чистый, хвойный. Где-то неподалёку каркнула ворона, заскрипела ветка, а в глубине леса что-то тихо хрустнуло, как будто зверь проходил по заснеженной подстилке. Все эти звуки не напрягали. Они были честными. Я опёрся рукой о подоконник, ощущая под пальцами гладко отшлифованное дерево.

Этот дом я выбрал не случайно: камень, дерево, минимум лишнего. Тишина, которая не пустая, а наполненная. Здесь можно было быть собой тем собой, которого городской

офис знать не должен. Мне по земному тридцать пять. Возраст силы. Возраст, когда тело живёт полно, остро, без сомнений. Женщины в моей жизни были как ветер: приходили, касались, оставляли тепло на коже, но временно. Слово «любовь» в моём внутреннем словаре давно было занято.

Одной, из другой жизни. Но та жизнь закончилась у костров и стен, а не в переговорной с плазмой на стене. Переключаемся...Я не любил копаться в прошлом. Особенно утром.

Я закрыл окно, проходя по гостиной. Пол под ногами был прохладным, но не ледяным и приятно отрезвлял. Свет пробивался сквозь высокие окна полосами, ложился на стол, диван, на подлокотник кресла, задевая блеском металлические детали мебели. На кухне уже ждал кофе. Пар поднимался плотным столбом, смешиваясь с запахом дерева и леса, который ещё держался в воздухе. Телефон завибрировал на столешнице, нарушая ровный, размеренный утренний ритм.

«Да», — сказал я, даже не глядя на экран.

Голос секретаря был собранный, но я услышал лёгкое напряжение - она всегда так звучала, когда дело касалось больших денег или сложных людей.

Александр, доброе утро. Напоминаю, сегодня в одиннадцать встреча с новым агентством по совместной кампании. Крупный контракт, федеральный охват, несколько брендов сразу.

- Помню, - ответил я, делая первый глоток. Кофе был крепкий, чуть горче, чем обычно. Неплохо. - Кто с их сторо-

ны?

«Никольская Медиа». Будет их директор, Алиса Никольская. И ещё пара людей из её команды. Она... - секретарь запнулась, - очень настаивала, чтобы были лично вы. Я чуть приподнял бровь.

- На чём именно «настаивала»?

Сказала, дословно: «Если ваш Александр такой же, как о нём говорят, я хочу видеть его сама. Я не работаю с теми, кто считает себя выше партнеров».

Я усмехнулся. Выше... Забавно. Большинство людей даже не понимают, насколько низко они сами стоят.

- Уже меня не любит, - сказал я. - Милое начало.

Она... довольно резкая, судя по переговорам. Но с ней хотят работать многие. Её агентство сейчас в топах по креативу.

- Хорошо. Вырежьте мне основное по проекту, сбросьте на почту и дублируйте Сергею.

- Уже отправила. И ещё..., - она ненадолго замолчала. - По Ване. Он утром прислал новые наброски. Там опять... странные образы... но какие-то узнаваемые...

Конечно. Этот мальчишка был как трещина во времени - через него старое просачивалось в новое, даже если он сам об этом не знал.

- Посмотрю позже, - ответил я. - Не загружайте его. Просто дайте ему работать.

- Хорошо.

Звонок закончился. Телефон лег на стол на пару секунд. Потом

тут же взвился новой мелодией, куда более настырной, как вопль будильника в казарме...Сергей...

- Александр! - как всегда, с ударением не туда, но с таким напором, будто он пробивает не сеть, а бетонную стену.

- Ты там живой вообще?

- Ага, - ответил я спокойно, делая ещё глоток.

Брось свои утренние медитации, у нас тут весело.

У Сергея не существовало понятия «говорить тихо». Бывший военный, который умудрился остаться в гражданке таким же прямым, шумным и живым, как в строю, мой старый друг и начальник охраны.

«Что случилось?» —спросил я.

-Две новости, и обе тебе понравятся. Первая: твоя новая «подруга» Никольская с утра уже пол отдела продаж разнесла. Сказала, если ты не появишься лично, она сорвёт переговоры.

-Очень трогательно. Закройте вы ее в кабинете, чтобы не шумела. Пусть сидит ждет.

Вторая: ночью кто-то полез в закрытый архив в офисе...

- Пауза...

- Не так, чтобы дверь с ноги. А аккуратно. Очень аккуратно.

Я поставил чашку, взгляд сам собой вернулся к лесу за окном. Там всё было спокойно: снег, туман, полоска света,

медленно спускающаяся по стволам вниз. Слишком спокойно, чтобы верить.

-«Записи с камер?» —спросил я.

-Смотрим. Но тот, кто лез, либо очень умный, либо очень уверенный. В любом случае, это не случайность.

-Понял.

-Я за тобой заеду через час, - продолжил Сергей. - Одевайся так, чтобы Никольская ещё сильнее ненавидела. Тебе идут костюмы.

«Ты слишком много наслаждаешься чужими конфликтами», —сказал я.

-Конечно. Это лучше, чем наслаждаться бухгалтерскими отчётами. Через час буду.

Он отключился, оставив в воздухе лёгкое эхо своего смеха. Я ещё минуту просто стоял, опираясь ладонью о край стола, глядя, как свет пробивается сквозь верхний слой тумана. Ветер чуть усилился, траву и старые кусты качнуло, с еловой ветки сорвалась тяжёлая капля и упала вниз, на пятачок грязного снега. Утро всё ещё выглядело спокойным. Но я слишком давно живу, чтобы верить в такие совпадения:

Новый крупный проект, женщина, которая заранее настроена против меня, мальчишка, в чьих рисунках всплывают лица из того мира, и кто-то, кто ковыряется в архивах, где у нормальных людей нет причин копаться.

Я допил кофе, поставил чашку в раковину и поднялся в спальню. Комната встретила запахом ночи: чуть улетучив-

шиеся духи, тёплый след на простынях, скомканное одеяло. Свет здесь был мягче, чем в гостиной - окно выходило чуть в сторону, туда, где лес стоял плотнее, и солнце доходило не сразу. Я прошёл мимо кровати, машинально поправив подушку. На тумбочке лежала та самая записка. Я не стал на неё смотреть - просто взял и опустил в ближайшую шкатулку, не читая до конца. Я умею быть нежным. Но не обязан быть постоянным. И это честнее, чем обещать то, чего никогда не будет.

В шкафу висели костюмы - несколько вариантов, собранных под конкретный образ. Город любил роли. Встречи, переговоры, премии - тем более. Я выбрал тёмно-серый костюм, белую рубашку без лишнего глянца, чёрное пальто. Часы с простым циферблатом, тонкий кожаный ремень. Ничего лишнего, никакого кричащего брендинга – вообще. Я никогда не пытался произвести впечатление вещами. Людей пугает не цена ткани, а то, как тыходишь в комнату. В зеркало я посмотрел у самой двери, уже надевая пальто. Спокойный взгляд. Чёткие линии скул. Лёгкая тень усталости, которую замечают только те, кто умеет смотреть внимательно, чем принято. Я усмехнулся самому себе.

- Высокомерный, значит, - тихо сказал я своему отражению. - Посмотрим, Алиса Никольская, как ты решишь эту проблему.

Снаружи посигналили. Сергей никогда не ждал молча. Дорога в город проходила через лес и поля. Сначала - грун-

товка, ещё сырая после таяния снега. Колёса подбрасывало на колеях, брызги летели по кузову, но машина шла уверенно, как тяжёлый зверь, пробивающийся через подлесок. Потом — асфальт, ровный, с полосой, уходящей вперёд до самого горизонта. Лес постепенно редел, сменяясь низкими домами, редкими заправками, складами. Город поднимался навстречу, как всегда: сначала серыми коробками на окраинах, потом — стеклом, металлом, рекламными щитами.

«Ты сегодня особенно мрачный», — заметил Сергей, выруливая с просёлка на трассу.

Он сидел за рулём его же машины, как всегда, чуть откинувшись, но с руками на руле, как будто до сих пор на учениях.

- А ты слишком громкий для этого утра, - ответил я, смотря вперёд.

— Это комплимент, - хмыкнул он.

- Так, давай по порядку. Сначала: Никольская. Я её видел однажды на форуме. Маленькая, быстрая, глаза как у человека, который спал три часа, но знает, зачем пашет.

Я перевёл взгляд на него краем глаза.

- Ты описываешь женщину или боевого человека?

- Смысл один и тот же, если честно, - фыркнул Сергей. - Она умеет кусаться, но кусает по делу. Её агентство сейчас забирает жирные контракты, она делает такие компании, что маркетологи потом годами ноют, что так не умеют.

И заранее считает меня проблемой.

- Ты и есть проблема, Саш, - серьёзно сказал он. - Ты заходишь в комнату и делаешь вид, что тебе пофиг. Люди такое не любят. Они хотят, чтобы ты или ползал, или восхищался, или хотя бы просто хоть как-то на них реагировал. А ты ни то, ни другое.

Я не ответил. Это было не спором, а констатацией.

В общем, она тебя уже не любит, хотя ни разу не видела, - продолжил Сергей.

— Это обещает отличный день.

Он говорил это слишком весело, чтобы можно было воспринимать всерьёз. Но именно это я в нём и ценил: его шум уравновешивал мою тишину.

Надоело о ней, теперь про архив, - сказал я. - Кто мог полезть? Сергей посерьёзнел, взгляд стал более собранным.

С точки зрения доступа... очень ограниченный круг, - ответил он. - Но мне не нравится то, как это сделано.

- Аккуратно?

- Слишком. Не на дурака, не под запись. Тебе лучше самому посмотреть.

Город уже обступал со всех сторон, стекло офисных зданий отражало свет, создавая ощущение, будто ты едешь внутри зеркального лабиринта. Потоки машин, сигналы, люди на переходах... После леса всё это мне всегда казалось слегка фальшивым. Природа не врёт. Город - мастер иллюзий.

Мы заехали в подземный паркинг. Свет здесь был жёл-

тым, искусственным, воздух - тяжёлым, с запахом бензина и резины. Шум улицы придавило бетонными перекрытиями, всё эхом отдавалось от стен.

Офисное здание, в котором располагалось агентство Кащей, тянулось вверх кирпичной кладкой со стальными нервами. Внутри лобби всё было выверено: чёрный камень пола, живые растения в больших кашпо, мягкий свет. Ресепшн, улыбки, ID-карты, турникеты.

Он шёл вперёд, чувствуя, как пространство само по себе подстраивается: кто-то уступает дорогу, кто-то отводит взгляд, кто-то наоборот - пытается рассмотреть поближе. Привычно. На этаже пахло кофе, пластиком ноутбуков и чужими идеями, которые ещё были в головах и на черновиках. Открытое пространство, отдельные переговорные, стекло, мягкая мебель. Шум был фоновым: чьи-то голоса, щелчки клавиатур, звонки.

«Никольская уже приехала», —прошептала одна из сотрудниц, увидев меня. В голосе - что-то между любопытством и сочувствием.

«Где?» —спросил я.

В большой переговорной. С командой. Они... э-э... немного... напряжённые.

Сергей тихо хмыкнул у меня за спиной.

«Это они ещё тебя не видели», —сказал он. - Пошли, я хочу быть в первом ряду.

Я пропустил его вперёд, сам вошёл чуть позже. Большая

переговорная была залита дневным светом - одна стена полностью стеклянная, с видом на город. Остальные - темные, на одной из них висел огромный экран, уже подключённый для презентации. На столе - вода, блокноты, провода, расставленные чашки. Со стороны «Никольской Медиа» сидело трое. Двое мужчин - младше меня, в примерно одинаковых костюмах, очень старательно собранных. И она. Я узнал её сразу, хотя раньше видел только на фотографиях и в видео с конференций. В жизни Алиса выглядела... живее. Небольшого роста, в тёмных брюках и простой белой рубашке, без показной дороговизны, но с таким кроем, что сразу было ясно: она не экономит на том, что касается образа. Волосы собраны в низкий хвост, несколько прядей выбились у виска. Лицо с правильными чертами, но не «инстаграмное», а живое, с лёгкими тенями усталости под глазами. Глаза...были самым интересным...сине-зеленые, внимательные, с прищуром человека, который привык смотреть прямо и не отводить взгляд первым.

Она как раз что-то объясняла своим - голос уверенный, быстрый, но без истерики.

Когда я вошёл, она остановилась на полуслове и повернула голову. Наши взгляды встретились. Время, конечно, никуда не остановилось — это киношная чушь. Но ощущение смещения было.

Я видел таких людей.

Людей, которые привыкли не сдаваться.

Людей, которые терпеть не могут, когда кто-то в комнате сильнее их.

- Александр, - представился я, подходя ближе. Она вскинула бровь еле заметно.

- Алиса Никольская, — ответила она. - Доброе утро.

Голос у неё был ниже, чем я ожидал. С небольшой хрипотцой - как у человека, который много говорит, мало спит и редко отдыхает.

«Рад знакомству», — сказал я.

— Это мы ещё посмотрим, - спокойно ответила она.

Сергей, севший рядом, едва заметно дёрнул уголком губ. Он был доволен. Он любил такие столкновения. Мы заняли свои места. На экране вспыхнула первая слайд-презентация, кто-то из моих начал формальное вступление, но я слушал больше не слова. Я слушал, как Алиса реагирует. Она почти не делала записей. Только иногда кивала своим, перекидывалась короткими репликами, задавала уточняющие вопросы. Ни одного лишнего движения, ни одной нервной мелочи. Только концентрация. Когда дошло до стратегии, она перехватила инициативу.

- Мы зашли в этот проект не для того, чтобы повторять то, что уже было на рынке, - сказала Алиса, подаваясь чуть вперёд. Нам не нужны стандартные креативы, которые смотрятся прилично, но не быют. Если вы звали нас, чтобы утверждать безопасные решения, мы зря тратим время.

Несколько человек на нашей стороне слегка поёрзали.

Сергей сдержанно ухмыльнулся. Я посмотрел на неё прямо.
«Договоримся», — сказал я. - Мы не зовём партнёров, чтобы они сидели в углу и кивали.

— Это приятно слышать, - ответила она.

- Тогда у меня вопрос. Она перевела на экран слайд, на котором был набросок концепции, присланный моими креативщиками. - Вот это называется у вас «заход, который выбивает зрителя из привычного контекста»? - спросила она.

- По-моему, это выбивает только бюджет.

Кто-то рядом подавился смешком. Кто-то, наоборот, напрыгся. Я не торопился отвечать. Вздыхнул... Смотрел на неё. Она не боится нападать первой. Хорошо. Позволю ей показать важность.

«Это черновой вариант», —спокойно сказал я. - Он нужен, чтобы проверять, куда и когда у вас сработает триггер.

У меня на такое срабатывает один триггер - желание всё переделать, - отрезала она. - Если мы работаем вместе, я не буду молчать, когда вижу пустое место.

Я наклонил голову чуть к плечу.

«Молчать вам явно тяжело», —заметил я.

Особенно рядом с теми, кто привык, что им не возражают, парировала она.

– Я правильно о вас проинформирована, Александр?

Секунда тишины. Сергей тихо выдохнул носом. Кто-то нервно перелистнул страницы. Кто-то уставился в стол. Я чуть улыбнулся.

Вы далеко не первая, кто думает, что меня можно так за-
деть,

сказал я.

- Но вы, пожалуй, первая, кто пытается сделать это в первые десять минут встречи. Это экономит время. Мне такое нравится, продолжайте.

Она прищурилась, но уголок губ дернулся, едва заметно.

«Тогда давайте экономить дальше», — сказала Алиса.

- Я покажу, как вижу этот проект. А вы скажете, насколько готовы рискнуть репутацией ради результата.

И вот здесь, в этот момент, когда она поднялась, подошла ближе к экрану, переключая слайды, я поймал себя на очень чёткой мысли: Алиса переключала слайды уверенно, спокойно, но я замечал не только её презентацию. Замечал, как она держит спину чуть напряжённо, будто привыкла стоять перед людьми, которым нельзя показывать слабость. Как пальцы слегка сжимаются на пульте, когда кто-то перебивает её. Как глаза не бегают - всегда смотрят прямо, даже если собеседник неприятен. Такими люди не рождаются. Такими их делает жизнь. Она была не жестокой - просто закрытой. Прочной, как стеклянные панели зданий, но хрупкой, если ударить слишком точно. И симпатичной. Не тем внешним, что цепляет с первого взгляда, а внутренним - этими внимательными глазами, в которых можно утонуть, если смотреть в них слишком долго. Она закончила говорить и обвела комнату взглядом - ровным, деловым, но за ним, как за маской,

читалось другое: усталость, собранность, постоянное напряжение человека, который слишком рано взял на себя слишком много. Прячется. Не от мира - от себя. И в тот момент, когда она повернулась к экрану, используя лазерную указку, мигом, едва заметной вспышкой, всплыл другой образ, совсем не похожий на нее...

Снег... Ветер... Длинные волосы, в которых сворачивается пламя...Василиса, обернувшаяся через плечо - так, как когда-то, в старой жизни. Глаза, которые я мог узнать среди тысячи. Это было не болью. Не тоской. Просто тенью, лёгким касанием через время. Я не отгонял это воспоминание и не звал. Оно просто пришло, как приходит запах дыма, когда далеко кто-то жжёт сухие ветки. И растаяло само.

Алиса снова заговорила - чётко, уверенно, словно каждая цифра на слайде была вырезана из камня. Я слушал. Не спорил. Не перебивал. Просто отмечал про себя: строгая, собранная, симпатичная, с «головой» и с толстой психологической стеной вокруг. Интересный человек...Не более, пока что.

Когда презентация подходила к концу, в комнате осталось обычное рабочее напряжение: вопросы, уточнения, заметки. Сергей что-то вполголоса комментировал мне сбоку, но я уже не слушал. Просто смотрел на город за стеклом, на солнце, которое пробивалось между зданиями. День только начинался. И в нём пока не было ничего необычного - просто работа, новые партнёры и женщина, которая скрывает себя

чуть крепче, чем остальные. Этого было достаточно.

Глава II

Обсуждение

Алиса переключила последний слайд - экран погас, отражая в чёрной поверхности силуэты всех нас. В комнате повисла деловая, сухая тишина. Тишина, в которой каждое слово ещё могло изменить направление разговора. Она стояла боком ко мне, притягательно собранная, почти статуйно ровная, будто держала внутри слишком много того, что никому не собиралась показывать. Волосы слегка рассыпались у виска - жест в ней выдал быструю натуру, но руки она держала идеально спокойны. «По концепции это всё», — сказала она. - Давайте перейдём к вопросам.

В этот момент мой телефон тихо завибрировал. Один раз. Второй. Алиса даже не повернулась, но я заметил, как её правая бровь едва-едва дёрнулась. Я взглянул на экран. Имя вспыхнуло ярко - Лена. Вчерашняя. Я убавил громкость и отклонился чуть в сторону, но звонок стал настойчивым. Третья вибрация. Четвёртая. Алиса не смотрела прямо на меня, но смотрела в бок стеклянного экрана, который отражал меня, и, судя по тени в её взгляде, - прекрасно видела источник звука.

Я ответил коротко, спокойно:

- Я на встрече. перезвоню позже.

Женский голос на том конце был тихий, но нежный и

слишком явственный в этом деловом помещении:

- Саша... я просто хотела... ты вчера...

- Я отключил. Тишина стала плотнее. Не напряжённой, но застывшей, как воздух перед дождём. Алиса подняла взгляд на меня. Не осуждающий. Не любопытный.

Оценивающий. Как будто делала заметку про меня в уме - не эмоционально, а профессионально.

«Извините», — сказал я спокойно. - Продолжайте.

- Конечно, - ответила она ровным голосом.

Но угол её губ чуть дрогнул - не в улыбке, а в том почти незаметном раздражении, которое люди сразу стараются спрятать. Если бы я не наблюдал тщательно - не заметил бы вовсе. Но она была слишком... Живая в своей строгости. Внутри неё кипело, но всё было под стеклом. Она продолжила говорить, будто ничего не произошло, но голос её стал чуть строже, и скорость речи - на долю секунды быстрее. Она контролирует всё. Даже то, что больно трогает её границы. Интересно.

Когда обсуждение дошло до смыслов будущей кампании, Алиса сказала:

Нам нужно идти красивым, но безопасным путём. Аудитория сейчас слишком чувствительная, слишком полярная. Провокации могут обернуться скандалом.

Я поднял взгляд.

Провокация — это не самоцель. Но искусство не обязано быть удобным. Если работа не трогает душу - она мертва.

Алиса скрестила руки. Я впервые увидел, как она закрывается сильнее - как будто ей нужно было эта поза, чтобы сохранить контроль. Люди не хотят, чтобы их трогали слишком глубоко, - ответила она.

— Это вызывает защиту, отторжение, страх.

Значит, там и нужно работать, - сказал я тихо. Не жёстко. Просто твёрдо.

Вы слишком смело говорите о реакции людей, которых не знаете, - сказала она.

Я знаю реакцию души, - ответил я. - Она одинакова столетиями. Её либо трогает, либо нет.

Она на долю секунды отвела взгляд. Не вниз - в сторону. Страх глубины. Очень тонкий, почти незаметный, но настоящий... Когда обсуждение подошло к концу, Алиса собрала бумаги в идеальную стопку - точность, как броня, которая помогает держаться на поверхности.

«Благодарю за время», — сказала она. - Продолжим завтра.

Она вышла быстро, почти легко, с таким движением плеч, которое говорит: если расслаблюсь – рухну. И скрылась в коридоре с командой.

Я остался стоять у стола. Сергей подошёл сзади и хлопнул меня по плечу.

- Видел её лицо, когда тебе звонили? - пробормотал он вполголоса.

- Да она туда молнию послала.

«Это был рабочий звонок», — сказал я спокойно.

- Саш, я тебя умоляю. У меня сестра так мужу звонит настойчиво, когда он ей не отвечает долго.

Он пошёл рядом, и мы двинулись к выходу из переговорной. Когда двери закрылись за нами, он нахмурился: насчёт архива. Это точно не случайность. Кто мог зайти? Человек с доступом. Или человек, который знает, как обходить систему доступа. Это профессионально. И очень осторожно. Я замедлил шаги.

Что искали? Либо конкретный документ. Либо - наоборот хотели посмотреть, что ты скрываешь. Я ничего не скрываю.

Именно поэтому это и интересно. Не верят. Он посмотрел на меня боковым зрением. Старый, боевой друг - чувствует угрозы нутром. Саш... это конкуренты. Или люди, которым слишком много интересно. А когда слишком много интересно - за этим что-то стоит.

Мы вышли на балкон этажа - остеклённая зона, где открывался вид на город. Ветер ударил холодом. Металл под руками был ледяным. Я посмотрел вниз. Город жил, как всегда. Шумел, спешил, хлопал дверьми, гудел машинами. А внутри - медленно, тихо складывалась мысль... Почему-то подумал об Алисе: прошлое - не то, что нужно вернуть. Прошлое - то, через что нужно пройти, чтобы идти дальше. И искать похожих – ошибка. Алиса не похожа на Василису... К чему вообще эти мысли...

Я выдохнул. День только начинался. Тени прошлого оста-

вались там, где я сумел их оставить. Но мир вокруг уже шевелился - и проект, и архив, и люди, которые слишком интересуются тем, что не их дело. А впереди была работа с женщиной, у которой теплые глаза и сердце..., спрятанное под слоями строгого самообладания. Не судьба. Просто новая встреча... Которую не стоит недооценивать.

Глава III

Спокойствие и новый бой

С работы я вышел чуть позже остальных. Коридор уже опустел, свет в офисе стал мягче - конец рабочего дня всегда делал пространство спокойнее. Телефон завибрировал в руке. Лена. Повторный вызов. Потом ещё один. Я открыл сообщение - короткое: «Если у тебя будет время... я бы хотела тебя увидеть.»

Я задержал взгляд на экране. Ни намёков. Ни попыток играть.

- Просто желание - тёплое, честное. Я перезвонил сам.

«Ты где сейчас?» —спросил я.

- Дома. Я могу приехать, если...

- Не нужно. Я сам заеду.

«Хорошо», —сказала она тихо, почти с облегчением. - Я буду ждать.

Я отключил и пошёл к выходу, спустилась в подземный паркинг, сел в машину, включил фары - свет резанул по серому бетону узкой полосой. Дорога была тихая, вечер только начинался. Лена жила недалеко - двадцать минут, не больше. Город постепенно гасил дневной шум, но оставлял жизнь в приглушённом виде: свет витрин, редкие прохожие, отражения фонарей в мокром асфальте. Я подъехал к её дому. Высокий подъезд с охраной, стеклянные двери, мягкий золоти-

стый свет внутри. У Елены было то спокойное тепло, которое не просит, не требует, не строит.

Просто есть. Её квартира была наполнена уютом: мягкие пледы, тёплый свет, лёгкий аромат ванили.

Свеча на узком столике дрожала, пламя то вытягивалось, то оседало, и по стенам ползали длинные тени, ломаные, как строчки неоконченного письма. Елена села у окна, локти на подоконнике, ладони холодные. Сквозняк то и дело прокрадывался под шторы, и от этого внутренний холод казался честнее.

- Прейдёшь? - шептала она в пустоту, не ожидая ответа.

Ответом хлопнула дверь. Без стука. Без права на сомнение. Он вошёл и остановился в проёме - тёмный, высокий, как чужая ночь на пороге дома. Её дом перестал быть её.

«Ждала?» —сказал он низко.

- Не уходила, - ответила она, не поворачиваясь.

Шаг. Ещё шаг. Его тень закрыла свечу, огонь потускнел, и чернота подтянулась ближе.

- Слова, слова... - выдохнул Кашей. - Я пришёл за взглядом. Она медленно поднялась и повернулась. Встреча - как удар.

В его глазах не было мягкости, но была точность, как в клинке, вставленном в ножны: с щелчком, без лишнего.

«И что ты увидишь?» —спросила Елена и намеренно не опустила ресниц.

- Страсть, - ответил он. - В ту секунду, когда перестаёшь

прятаться.

Его ладонь легла на её горло - не душит, а держит. Проверяет пульс, власть, честность дыхания. Она сглотнула.

- Больно? - чуть наклонившись, спросил он.

«Нет», —прошептала она. - Я выдержу.

Он ухмыльнулся едва заметно, пальцы разжались, и ладонь скользнула к ключице. Её дыхание сорвалось, и это слышала даже свеча - пламя дернулось.

- Скажи «уйди», - потребовал он.

- Нет, - быстро. Почти укусом.

Он шагнул ближе, и она отступила до стены, не от страха, от привычки держать дистанцию там, где её больше не будет.

Всё время бежишь ты мне в голову, - произнёс Кашей, и какое-то слово летело по воздуху, как гвоздь по стеклу. - А тела твоего рядом не было. Сегодня будет.

- Прикажешь? - она криво усмехнулась, но в голосе дрогнула нота, которую сама не любила.

- Спрошу, - парировал он.

Тишина наполнила комнату. Где-то внизу затыкала собака, внешняя жизнь попыталась напомнить о себе, не вышло.

«Скучала?» —спросил он, и пальцы его сзади переплелись у неё на затылке, заставив поднять голову.

-Да, останься, - сказала Елена.

Чётко. На одном дыхании. Без украшений. Он прижался лбом к её лбу. Вздохи столкнулись. В воздухе запахло железом свечного подсвечника и чем-то ещё, ощущением, что

решения уже приняты.

- Скажи громче, - шепнул он.

- Останься, - она не повысила голоса, но каждое слово стало тяжёлым, как шаг по мокрой земле.

Я отпустил её затылок, но не отступил. Наши губы встретились, не мягко. Это был поцелуй-набросок, грубая линия углём, с первого штриха попавшая в форму. Её ладони упёрлись мне в грудь: не чтобы толкнуть, чтобы проверить реальность. Дыхание захрипело, её, мое, общее.

««Зверь»», — хрипло сказала она, отрываясь на секунду.

- Твоё зеркало, - ответил он.

Тени на стене за их спинами стали играть, удлинялись, ломались, сплетались. Свеча трепыхалась и сыпала воском, тонкая струйка стекала на стол, капли застывали, как беззвучные, да и нет. Он развернул её к себе боком, одной рукой удерживая плечи, другой сжимая запястья. Она попыталась высвободиться, он держал. Кровь под кожей стучали пульсом, и этот ритм они слышали оба.

Она посмотрела. И вдохнула глубже, чем хотела. Он провёл ладонью по её плечам и дальше, ниже, вдоль лопаток, и каждая его линия была, как черта на карте, которую нельзя стереть. Затем поднял волосы, обнажая шею, и задержал пальцы у основания. Елена вытянулась, выгнулась, словно под пальцами раскрывалась спрятанная пружина.

Кащей поднял её на руки легко, но с осторожностью. Елена уверенно обвила его плечи, и ногти, не пряча, оставили

след на коже. Он не дернулся. Ворот его рубахи задел её ключицу, и от этой маленькой грубой детали мир стал ещё реальнее.

Он опустил её на край стола, тот дрогнул, и ложка, оставленная у свечи, зазвенела о керамику. Елена потянулась, скинула её на пол, лишние звуки мешали. Он расстегнула пряжку на поясе одним движением. Она не отвела глаз, движение было решительным: пряжка, ремень, металл, звук глухой, будто отсчёт начался. Его дыхание сорвалось, когда он снял с нее ненужную в этот момент деталь белья, ткань заскользила с её бедра. Он сжал ее крепче, потянул на себя. Платье ещё держалось, скрывая, но она уже была открыта для него... Первый рывок членом был резким, как удар. Её тело отозвалось всхлипом, в котором не было боли, только удовольствие и жажда...Кашей двигался, ломая ритм: быстрые удары и вдруг пауза, мягкий толчок, будто он испытывал её терпение.

Она хватала воздух ртом, цеплялась за его плечи, шептала, почти кричала:

- Ещё... хочу еще... не останавливайся...

Он поймал её талию, удержал, не позволяя уйти. Его ритм продолжился как бой - три быстрых удара подряд, потом остановка, долгий, медленный, тяжёлый удар членом, опять скорость, шаг, еще, безумие... еще шаг... опять черед быстрых ударов без пауз, в бешеном ритме. Его губы скользнули по её шее. Поцелуи были не нежными, жадными, жёсткими,

оставляющими следы. Он целовал её так, словно метил территорию, и она дрожала в ответ, захлёбываясь дыханием.

Её тело отзывалось, сжималось, и он это чувствовал. Чувствовал, как она принимает его, как внутри её мышцы отвечают, цепляются, будто держат его, не отпуская. От этого он выдохнул глубже, грубее, прижался к её уху и прошептал хрипло:

- Ты держишь меня... слышишь? - и ещё один быстрый толчок прорезал паузу.

Она запрокинула голову, глаза закрылись, губы дрожали. Её руки вцепились в его плечи, ногти прорезали ткань. Губы снова нашли её шею. Он кусал кожу, впечатывал дыхание, вжимал её в себя так, что она стонала уже не в силах сдерживаться. Каждый её рывок, каждый судорожный вдох отзывался в его теле, он чувствовал это до дрожи, до самой глубины.

Она задыхалась: ещё... ещё... не останавливайся...

Но он вдруг замедлил ход...толчки стихли, дыхание обрушилось тяжёлой волной. Его пальцы крепко держали её бедра, но вместо следующего рывка он резко скользнул ниже. Елена хотела что-то сказать, но он развёл её ноги шире и опустился к ней. прижал ладонью её живот, фиксируя, не давая ни оттолкнуть, ни уйти, поцеловал её внутреннюю сторону бедра. Не коснулся там сразу смотрел, дразня дыханием. Её тело выгнулось само, требуя большего, но он удержал её ладонями, не позволив податься вперёд. Первый контакт

был мягким, словно он хотел лишь проверить её вкус. Она всхлипнула, рвано вдохнула, прикусила губу... Сначала он едва касался дыханием, потом пробовал ее горячо, влажно, оставляя следы, она вздрогнула, пальцы вцепились в край стола. Дальше я коснулся её поцелуем там, где она горела сильнее всего. Сначала медленно, тягуче, будто пробуя, как она отзовется. Её тело вздрогнуло.

Кащей усмехнулся краем губ и усилил темп. Его язык скользил быстрее, потом вдруг замедлялся, дразнил, оставляя её в подвешенном состоянии. Её дыхание стало рваным, она хватала воздух, пальцы сжимали край стола так, что костяшки побелели.

- Кащей... - её голос был сорванным, полным мольбы.

- Не мучай... Он приподнял голову, его глаза блеснули в полумраке.

Я хочу так, хочу, чтобы ты кричала, - сказал он хрипло.

- Только потом я продолжу.

И снова накрыл её, быстрее, глубже, с силой. Его ладони удерживали её бедра, не позволяя закрыться. Её тело сжималось рывками, он чувствовал каждый толчок её напряжения.

Он работал ртом и языком так, как будто выстраивал ритм, но нежно - несколько быстрых касаний потом пауза, долгий тягучий скользкий поцелуй. Потом снова серия, ещё быстрее. Её дыхание стало прерывистым, тело дрожало, она пыталась закрыть ноги, но его пальцы впились в её бедра, удерживая.

«Держи...» —прошептал он, не отрываясь.

- Я ещё не закончил. Он усилил темп. Его язык двигался быстро, уверенно, и каждый раз, когда она выгибалась, он замедлялся, дразнил, растягивал её ожидание. Её тело отзывалось, пульсировало в его руках. Он чувствовал, как напряжение внутри нарастает, как она сжимается, как волна поднимается всё выше. Елена застонала громче, её пальцы сорвались со стола и вцепились в его волосы.

- Ещё... - почти крикнула она.

- Не останавливайся!

Он подчинился не потому, что она приказывала, а потому, что сам хотел этого крика. Его движения стали быстрыми, ровными, без пауз, пока она не изогнулась всем телом и не рухнула в его ладони. Она кончала долго, судорожно, и он не отпускал, продолжал работать языком, удерживая её в этом огне. Каждый её рывок он встречал, каждый её стон глотал, будто собирал в себя. Когда её тело обмякло, он поднял голову. Губы его блестели в тусклом свете. Он смотрел на неё так, будто победил.

Вот так, девочка моя, красивая... отдохнула...

Он резко поднялся и снял с неё платье, оставив её совсем открытой. Она дрожала, щеки её горели, глаза были затуманены.

«Пойдем», —сказал Кашей и поднял её с края стола, словно она ничего не весила.

Её ноги сами обвилились вокруг его талии, она вцепилась

пальцами в его плечи, ощущая, как под кожей ходят напряжённые мышцы. Его дыхание было горячим, обжигало шею, губы то касались её кожи, то кусали, жадно, с отметиной. Каждый его шаг к кровати отдавался в её теле, будто она сама становилась частью его силы... Он остановился у края и поставил её на пол. Она едва удержалась на ногах, колени дрожали.

- Встань. «Лицом к кровати», — сказал Кашей.

Она подчинилась. Опустила руки на спинку кровати, холодное дерево врезалось в ладони. Плечи её дрожали, волосы падали на лицо. Он стоял за её спиной. Провёл ладонью по её пояснице, заставил прогнуться сильнее.

- Ты красива. Я хочу, чтобы ты запомнила эту ночь каждой клеткой.

Он взял член в руку медленно, с силой, будто проверяя своё же терпение. Тяжёлое дыхание вырвалось сквозь зубы. Он провёл головкой вдоль её кожи по бедру, по изгибу, едва касаясь, Елена вздрогнула, закусил губу и застонала, не выдержав паузы. Он усмехнулся, притянул её бедра к себе, и одним жёстким движением вошёл. Он целовал её шею, кусал кожу, шептал слова, которые прожигали её изнутри. Его бедра били о её тело с такой силой, что каждый удар отзывался гулким эхом в комнате. Кожа сталкивалась с кожей, хлёсткий звук повторялся ритмично, заполняя тишину вместе с её прерывистыми криками.

Кровать скрипела и стучала о стену, её дыхание рвалось,

в паузах слышался влажный звук их соединения, обжигающий, как будто сами тела разговаривали вместо слов. Он ускорялся, удары становились чаще. Волна звуков нарастала: стук дерева, хлёсткие хлопки, её стоны, его хриплое дыхание. Казалось, что весь дом слышит их ритм. Внезапно он вырвал её из этой позы, потянул за волосы, и в одно мгновение поставил на колени на матрас.

- Руки за спину, - приказал он.

Она подчинилась, дыхание сбивалось, грудь вздымалась. Он схватил её запястья одной рукой, удерживая так, будто она была связана, и снова вошёл жёстко. Его толчки были короткими и мощными, как удары клинка в цель. Она вскрикнула, выгнулась, но он прижал её ниже, грудью к матрасу, удерживая одной рукой ее запястья, другой бедра.

- Держись, - прошипел он, срываясь на рычание. - Ты выдержишь.

...Он снова поменял темп: серия быстрых толчков, стук кровати о стену, её крики рваные, пронзительные... потом он замедлялся, входил медленно...мучительно, держа её полностью в своей власти.

Он отпустил её руки, но тут же снова дёрнул за волосы, заставив поднять голову.

«Смотри вперёд», —сказал он. - Я хочу видеть твоё лицо, когда ты сдаёшься.

Он ускорился до безумного темпа, удары были хлёсткими, каждый толчок сотрясал кровать. Она закричала, тело

содрогалось волнами, и он чувствовал её каждую дрожь.

- Хорошая, - выдохнул он. - Кричи, я слышу каждое твоё «да».

Он развернул её снова, поднял, поставил спиной к стене, взял за бёдра, как куклу, и вжал в себя. Она застонала, ногти впились в его плечи, ноги дрожали, но он не дал ей упасть.

«Я держу тебя», — сказал он. - Расслабься, моя ты сейчас, всю заберу сегодня.

Она задыхалась, её крики глухо отзывались у него на груди. Он дошёл до кровати, опустил её на матрас и одним движением снова вошёл глубже, сильнее.

Кащей закинул её ноги себе на плечи, держал крепко за бёдра и начал новый ритм - не ровный, а как бури и штиль попеременно. Несколько коротких, хлёстких ударов членом подряд, глухие хлопки их тел сливались с её криком. Потом он замедлялся, вбиваясь глубоко, с нажимом, будто ковал её дыхание под себя. Снова скорость, животный ритм, страсть.

...Потом опять пауза, чуть вытащил и вошёл медленно, глубоко, так что её тело выгнулось дугой. Он наклонился ближе, дыхание коснулось её губ. Затем он внезапно срывался, серия рывков, удар за ударом, так что кровать стучала, простынь рвалась под её пальцами. Она кричала, и её голос гремел вместе с ритмом его движений.

-Руки за спину, - приказал он.

Она подчинилась, дыхание сбивалось, грудь вздымалась. Он схватил её запястья одной рукой, удерживая так, будто

она была связана, и снова вошёл жёстко. Его толчки были короткими и мощными, как удары клинка в цель. Она вскрикнула, выгнулась, но он прижал её ниже, грудью к матрасу, удерживая одной рукой ее запястья, другой бедра.

- Держись, - прошипел он, срываясь на рычание. - Ты выдержишь.

...Он снова поменял темп: серия быстрых толчков, стук кровати о стену, её крики рваные, пронзительные... потом он замедлялся, входил медленно...мучительно, держа её полностью в своей власти.

Он отпустил её руки, но тут же снова дёрнул за волосы, заставив поднять голову.

«Смотри вперёд», —сказал он. - Я хочу видеть твоё лицо, когда ты сдаёшься.

Он ускорился до безумного темпа, удары были хлёсткими, каждый толчок сотрясал кровать. Она закричала, тело содрогалось волнами, и он чувствовал её каждую дрожь.

- Хорошая, - выдохнул он. - Кричи, я слышу каждое твоё «да».

Он развернул её снова, поднял, поставил спиной к стене, взял за бёдра, как куклу, и вжал в себя. Она застонала, ногти впились в его плечи, ноги дрожали, но он не дал ей упасть.

«Я держу тебя», —сказал он. - Расслабься, моя ты сейчас, всю заберу сегодня.

Она задыхалась, её крики глухо отзывались у него на груди. Он дошёл до кровати, опустил её на матрас и одним дви-

жением снова вошёл глубже, сильнее.

Кащей закинул её ноги себе на плечи, держал крепко за бёдра и начал новый ритм - не ровный, а как бури и штиль вперемешку. Несколько коротких, хлёстких ударов членом подряд, глухие хлопки их тел сливались с её криком. Потом он замедлялся, вбиваясь глубоко, с нажимом, будто ковал её дыхание под себя. Снова скорость, животный ритм, страсть.

...Потом опять пауза, чуть вытащил и вошёл медленно, глубоко, так что её тело выгнулось дугой. Он наклонился ближе, дыхание коснулось её губ. Затем он внезапно срывался, серия рывков, удар за ударом, так что кровать стучала, простынь рвалась под её пальцами. Она кричала, и её голос гремел вместе с ритмом его движений. - Смотри на меня, - приказал он.

Елена дрожала, сжималась внутри, он чувствовал это каждым движением члена.

- Моя, - прошептал, - ты держишь меня, и я держу тебя.

Он снова ускорился, теперь ритм был как яростный шквал, удары шли один за другим, быстро, неумолимо, пока её тело не дрогнуло, крик сорвался - первый оргазм накрыл её, мощный, разрывающий, так что пальцы её побелели на простыне. Она сжалась, дрожала, но он не вышел, не дал ей упасть в пустоту. Он поднял её бёдра выше и продолжил - быстрыми, короткими толчками, пока её тело ещё отзывалось в судорогах. Она вскрикнула от новой волны чувственности, пыталась освободиться, но он держал её крепко,

одной рукой прижимая к кровати, другой скользнул вниз. Она всхлипнула, попыталась вырваться.

-Хватит... не могу... - её голос дрожал, сорванный.

Он наклонился, прижал её бедра сильнее, не давая закрыться.

- Можешь. И будешь.

Его ладонь скользнула мягче, к самому центру её жара. Она вскрикнула от резкого прикосновения, дернулась, но он держал крепко. Пальцы нашли её, начали двигаться в том же ритме, что и толчки, синхронно, без пощады. Её стоны изменились, стали выше, прерывистее, в них было и удовольствие, и отчаяние. Она захлёбывалась воздухом, выгибалась.

- Кащей... пожалуйста... - она задыхалась, слова были сбивчивыми.

- Не проси остановиться. Я хочу слышать, как ты сдашься ещё раз.

Его толчки стали резкими, дробными, будто он молотил в такт её сердцу. Пальцы работали быстро, без остановки. Её тело содрогалось всё сильнее. И в этот момент её накрыло снова. Второй оргазм обрушился внезапно, как буря поверх первой волны. Её тело выгнулось дугой, крик сорвался долгими, высокими нотами. Она содрогалась рывками, каждая новая волна накатывала сильнее, и он не отпускал, продолжал вести её пальцами и телом, удерживая в этом бешеном ритме. Её крик переходил в стоны, стоны в всхлипы, но он

держал, прижимал, не позволяя рухнуть в тишину. Она кончала второй раз, громко, без контроля, и он наслаждался её дрожью, каждой судорогой, каждым сдавленным «да» в её голосе. Когда волна наконец спала, она рухнула на простыню, полностью обессиленная, дыхание рваное, губы приоткрыты...

Он наклонился, провёл ладонью по её лицу, поцеловал грубо, но в этом поцелуе было признание.

Но он не остановился. Его движения стали тягучими, медленными, словно он снова входил в неё заново, с каждым разом заставляя её тело отзываться новым судорогами. Она вскрикнула, не от страсти, а от чувствительности, слишком обострённой.

«Не отпускаю», — прошептал он, прижимая её бёдра к себе, пальцами снова находя её там, где она ещё пульсировала.

- Хочу тобой насытиться.

Её тело рвано дёрнулось, крик стал прерывистым, и он почувствовал, как каждая его медленная волна причиняет ей мучительное наслаждение. Он двигался теперь мягким ритмом, короткий быстрый рывок - пауза, глубокое давление, снова серия рывков. Вдруг он убрал толчки, полностью остановился телом, не выходя из неё, но пальцы продолжали работать. Сначала медленно, мягко, будто он убаюкивал её. Круговые движения были плавными, нежными, как тёплая волна, накатывающая на берег. Её дыхание постепенно изменилось, из сбивчивого и рваного стало глубоким, низким.

Её стоны стали мягче, в них появилось другое звучание, не крик, а сладкий, прерывистый стон, почти песня.

Он улыбнулся краем губ и ускорил пальцы, но не резко, а постепенно, как будто выводил её тело на новый, женский ритм, плавный, чувственный, тягучий.

Она открыла глаза, встретила его взгляд и прошептала:

- Я горю... Кащей...

- Горишь, - ответил он.

- Именно этого я хочу.

Её спина выгнулась, руки сами нашли его плечи, сжали. Она уже не кричала - она пела голосом своего тела, стон её тянулся, срывался, снова возвращался.

Он чувствовал, как она снова сжимается вокруг него, но уже иначе, мягко, глубоко, как будто пульсировала вместе с его пальцами. Он усилил давление, вошёл в её ритм полностью, ловя каждую дрожь тела. Она закусил губу, потом застонала громче, голову откинула назад.

- Да... ещё... - её голос был высоким, пронзительным, но не в отчаянии, а в сладкой агонии.

Он ускорил движения пальцами, сохраняя плавный женский ритм. Волна накрыла её третий раз, она кончила снова, но теперь по-другому: не рывками, а долгой, мягкой дрожью, будто всё её тело пело и растворялось в этом.

Она закрыла глаза и прошептала, едва находя дыхание:

Это было... совсем другое...

Он поцеловал её губы, крепко, властно, но с мягкостью в

тоне.

Да. Потому что теперь я дал тебе твой ритм. Кашей улыбнулся холодно и наклонился ближе:

-Ты думаешь, я закончил? Нет. Это был твой ритм. А теперь снова будет мой.

Он резко, прежде чем она успела вдохнуть, вошёл в неё мощным толчком. Кровать отозвалась, её тело выгнулось, крик сорвался из груди. Его бёдра били в неё с силой, серия за серией. Звук был гулким, удары хлестали по её телу, как барабаны в бою.

- Вот так, - прорычал он. - Мой ритм. Я веду.

Она кричала, он поймал её запястья, прижал к матрасу над головой и продолжал двигаться, резкими, жёсткими сериями. Он играл темпом: десять быстрых ударов подряд, потом пауза, один глубокий, мучительный толчок, и снова яростная серия. Кровать стучала о стену, в комнате был только их ритм, её крики, его дыхание, удары тел. Член работал жёстко, он входил в неё всё глубже, яростнее, его бёдра гулко били о её тело, и с каждым толчком он чувствовал, как предел поднимается, как внутри собирается лавина, готовая сорваться. Дыхание сбилось, превратилось в тяжёлое рычание, мышцы натянулись, как струны. Она кричала, её тело сжимало его изнутри, будто пыталось удержать. Это сводило его с ума. Он замедлил на секунду, глубоко вошёл ещё раз, задержался внутри, стиснув зубы, чтобы не сорваться раньше. Его руки вцепились в её талию, прижали сильнее.

Он чувствовал, что уже не остановить... и резким рывком он вышел из неё.

Ее бедра сами потянулись к нему, но он удержал её ладонью,

сжав так, что она не могла двинуться. Его вторая рука стиснула член, доводя бешеным ритмом.

Он застонал низко, сдавленно, вены пульсировали на шее, дыхание сбивалось в рывках. И в этот миг волна прорвала его. Первый горячий всплеск сорвался с силой, ударил ей на грудь, растёкся по ключицам. Следующий, выше, к шее, к лицу. Кащей не отводил взгляда, смотрел, как её кожа покрывается его жаром. Его бедра двигались в остаточном ритме, рука сжимала до боли, пока последние рывки не вышли из него... Она лежала, глаза прикрыты, дыхание прерывистое, грудь поднималась. На коже блестели его следы капли стекали вниз по изгибам, оставляя мокрые дорожки.

Кащей поднял взгляд, провёл пальцами по её животу, и тихо застонал от остаточной дрожи в теле. Его дыхание касалось её шеи, горячее, тяжёлое, и вся комната пропиталась этой безумной, необузданной близостью...

...Я вышел на балкон после того, как Лена уснула. Ночь была довольно тёплой, влажной, это редкость для города, где ветер обычно рвёт улицы до костей.

Луна висела низко, цепляясь краем за крышу соседнего дома.

Телефон завибрировал в руке: Сергей. Я ответил сразу.

- Надеюсь, ты не спишь, - сказал он без вступлений.

- Мне редко удаётся, - отозвался я. - Что случилось?

Сергей шумно вдохнул, как делает всегда, когда внутри у него уже кипит.

Нашёл кое-что в архиве. Вернее, увидел, что там трогали. Не случайно. Не неопытно. Очень аккуратно, с пониманием, где искать.

Я молчал. Ветер усилился, подгоняя воздух, словно под-сказку.

Они не прошлое твоё ищут, Саш, - сказал Сергей. - Ни-кому до этого нет дела. Они копают под агентство. Ходят по тонкому льду. Им нужен компромат, чтобы нас утопить.

- Зачем?

«Бабки?» —спросил я. Сергей ответил без паузы: потому что мы делаем слишком честный проект. А такие проекты ломают людям привычный мирок. Выбивают двери, которые кое-кто много лет держал закрытыми.

Он замолчал на секунду, и в тишине слышался только го-род - далёкий шум машин, хриплый звук сирены где-то вни-зу, ветер, тянувшийся между домами узким коридором.

-Ты видел, какие фильмы сейчас выпускают, рекламы? - продолжил он.

- Пустые. Серые. Без огня. Без надежды. Без идеи.

«Я видел», —сказал я.

— Это специально.

Конечно, специально! - поднял голос Сергей. - Им не нуж-

но, чтобы люди думали. Не нужно, чтобы мечтали. Не нужно, чтобы задавали вопросы. И уж точно им не нужно, чтобы твой проект с Никольской прошёл. Потому что это живое. А живое всегда пугает мёртвую систему.

Он замолчал, давая фразе упасть между нами как камню. Внутри меня шевельнулось воспоминание. Даже не картинка-ощущение. Как дул холодный ветер в тех городах, где на площадях запрещали музыку. Где стража ходила с факелами, отлавливая тех, кто смеет петь. Где танцы объявляли угрозой, потому что в танце человек чувствует себя свободным.

Те же лица.

Те же глаза.

Тот же страх - страх перед живыми.

Вспышка прошлого погасла так же быстро, как появилась.

- Понятно, хотят прикрыть, - сказал я.

- Закрыть — это самое мягкое, - буркнул Сергей. - Если найдут, за что зацепиться - нас просто вынесут из рынка. Или заставят продать агентство. Или разбросают по кускам, чтобы никто не вставал.

- Настолько?

- Да. Потому что наша философия режиссуры - «трогать душу»

не вписывается в их план. Им нужно, чтобы люди жили в тумане. Чтобы смотрели на жизнь как на клетку. Не как на путь.

Я тихо усмехнулся. Это было так знакомо, что в груди стало даже спокойно.

«История повторяется», — сказал я. Сергей фыркнул.

- Какая история? У истории только один сценарист, Саш. Жадность. Она пишет все войны, все подставы, все запреты. И сейчас она пишет продолжение мира.

Я опёрся обеими руками о холодный край балконного ограждения. Металл был ледяным, будто держал в себе остатки зимы.

- Алиса... - начал Сергей.

- Эта Никольская. Я поднял бровь.

- Что с ней?

- Она понимает опасность. Чует её лучше тебя. Она знает, как ломают такие проекты. И как ломают тех, кто их делает.

Я снова посмотрел в ночь.

- Она закрытая, - сказал я. - Видит глубже, чем хочет показать. И боится показать, что ей есть что терять.

«Ты её жалеешь?» —спросил Сергей.

- Нет, - ответил я.

- Просто понимаю.

«Саш...» —тихо сказал Сергей.

- Нам нужно быть аккуратными. Очень аккуратными. Это не игра.

- Решим, нормально все будет.

- Тогда приезжай утром в офис. Я хочу, чтобы ты увидел, кое-что своими глазами.

Я отключил звонок. Ветер стих. Балкон погрузился в спокойствие. Город снова стал просто городом. Я стоял несколько секунд, вслушиваясь в тишину, пока внутри происходила тихая, но важная перестройка. Свобода людей - самая опасная штука. Потому что она заразительна. Она поднимает головы. Она будит души. И поэтому её всегда будут пытаться ломать. Но я видел мир, в котором души однажды проснулись. И я знал цену этому пробуждению. Я закрыл глаза... вдохнул ночной воздух. И понял - новая игра только начинается.

Когда я вернулся внутрь, Лена уже спала, свернувшись на половине кровати, где оставила место рядом. Я тихо сел, разглядывая линию её плеча в свете ночника. Тепло рядом было настоящим. Но было ясно и другое — это тепло здесь, в этой комнате, в этой ночи. И оно не требовало от меня ничего, кроме присутствия. Я лёг, не касаясь её. Закрыл глаза. И в эту секунду в голове мелькнул чёткий вывод:

Свобода людей - самое ценное, что можно дать. И потому её всегда пытаются сломать. Но если Единая модель взаимодействия снова поднимает голову — значит, пришло время ей напомнить, что живые ещё не закончились.

Глава IV

Тень

Утро начиналось тихо, будто проверяя, готов ли он к ещё одному дню, в котором ответственность всегда идёт первой, а собственные чувства - последними. Холодный воздух щипал щеки, когда он вышел из дома. В лесу, за оградой, стояла прозрачная дымка, и солнце ещё не успело разогреть землю. Кащей задержался на пороге чуть дольше, чем обычно. Он не любил торопиться в такие моменты: утреннее молчание иногда говорило с ним честнее, чем люди. Машина стояла на стоянке, покрытая тонким слоем ночного инея. Он провёл рукой по капоту, почувствовав холод под ладонью, и сел внутрь. Привычное движение, привычный запах кожи, глухой звук закрывающейся двери — всё это возвращало его в реальность быстрее, чем кофе. Он завёл двигатель и поехал, но мыслями был не здесь. Его внутренний голос всегда просыпался раньше внешнего, и сегодня он был слишком громким.

«Лена...» - промелькнуло в голове мягко, спокойно. Он не испытывал ни сожаления, ни напряжения. Она была хорошей женщиной - тёплой, открытой, внимательной. С ней было легко, как бывает легко с человеком, который не пытается проникнуть туда, куда сам не хочешь никого пускать. Она не пыталась заставить его говорить больше, чем он го-

тов. Не ждала от него чувств, на которые он не способен. Не требовала. Просто была рядом. Он уважал таких людей. Уважал умение не трогать чужие раны, даже когда видишь их прямо перед собой. Но именно это спокойствие и отталкивало: он видел в Лене не продолжение, а мягкую остановку. Как тёплая вода, в которую приятно войти, но в которой невозможно проплыть далеко.

«Она ничего не требует от меня. И я ничего не должен ей, кроме того, за что сам взял ответственность перед ней. Всё честно.» Но честность - странная штука. Иногда она слишком холодная. Иногда - слишком правильная. Он ехал, а дорога перед ним тянулась полосой влажного асфальта, отражая тусклый свет надвигающегося дня. Машины проезжали мимо, оставляя позади вялые шлейфы дыма. Мир был светлым, но он чувствовал, как внутри растёт тень, которую он давно не хотел замечать. И тень имела имя. Алиса.

Она возникала в голове неожиданно, почти болезненно. Не как женщина, не как коллега - а как вызов. Он не мог понять, что именно его так тревожит. Может, то, как она стояла напротив него в переговорной, когда он предложил идеи для проекта. Может, то, что она не отвела взгляд, не дрогнула, не попыталась смягчить или сгладить. Алиса никогда ничего не сглаживала - она говорила ровно, точно, так, будто каждое слово она заранее обдумала несколько раз.

И именно это его раздражало. Слишком много правильности. Слишком много контроля. Слишком много... насто-

ящего. Он поморщился, будто это чувство жгло кожу изнутри. «Не то. Не она. Не сейчас.» Но мысли шли дальше, игнорируя запреты, как вода, что всё равно найдёт себе дорогу.

Когда он впервые почувствовал то едва заметное, но отчётливое движение внутри - похожее на искренний интерес, похожее на начало - его кольнула совесть. Настоящая, простая, человеческая. Не та, что требует вины. А та, что говорит о том, что ты вообще способен чувствовать.

Совесть. Перед кем? Ответ был слишком очевиден...Перед Василисой.

Она не была раной. Она была светлым местом в душе - тихим, как старый лес, который за зиму не стал менее живым. Василиса стала частью его внутренней ткани, чем-то настолько естественным, что минута воспоминания о ней была похожа на тёплый вдох. Не боль - дыхание. Он давно перестал страдать. Но любить... не перестал...Любовь не горела, не резала, не вырывала сердце - она просто была. Как камень в земле, который со временем стал частью самой земли. «С чего я вообще позволил себе подумать о ней? Мимолетное это...»

Странное, детское чувство вины всплыло внутри, будто он совершил что-то несоразмерное своей памяти. Будто изменил не женщине - а самому себе. Будто сдвинулся в сторону, куда не имел права идти.

«Я что, запрещаю себе быть счастливым?» - спросил он себя неожиданно.

Ответ не пришёл, но тишина в груди была слишком похожа на утвердительный знак. Он поймал себя на мысли: он давно живёт так, будто счастье — это необязательная роскошь, которую лучше даже не пытаться заслужить. Как будто его бессмертие это долг, а не дар. Как будто любовь, которую он когда-то испытал, стала чем-то вроде приговора: один раз - и больше не проси. «Наверное, я просто не могу... или не хочу... позволить себе снова что-то чувствовать.»

Он положил ладонь на руль крепче, чем требовалось. Дорога перед ним стала почти белой от света, который развернулся полностью и теперь падал на город золотистой вязью. Кашей выехал к офису и, припарковав машину, почувствовал, как мысли медленно растворяются. День требовал собранности. А чувства могли подождать. Внутри здания пахло кофейными зёрнами и свежей бумагой. Звук шагов отдавался по коридору, словно кто-то приветствовал его уверенным эхом. Когда он вошёл в кабинет, первым, кого увидел, был Ваня.

Парень сидел боком к двери, на подоконнике, подтянув одну ногу, как подросток, которому неудобно сидеть на стуле. Его кудрявые, светлые волосы падали на лоб, и он то и дело отбрасывал их назад быстрым, привычным движением. Ваня был высоким для своих лет, вытянутым, словно ещё не привык к собственному росту. На нём была простая толстовка и джинсы - одежда человека, у которого голова занята не внешностью, а чем-то внутренним, куда более важным.

Он услышал шаги, обернулся и его лицо озарила улыбка, искренняя, тёплая, бесхитростная. Такой улыбкой улыбаются те, у кого ещё осталось много света внутри.

- О! Доброе утро, Александр! - сказал он, спрыгивая с подоконника.

Кашей ответил кивком, и что-то в нём странно дрогнуло. Ваня обладал той чистой энергией, которую редко встретишь у взрослых: в нём было что-то от тех, кто ещё не знает, что мир может гасить искры. И, взглянув на него, Кашей неожиданно ясно почувствовал: сейчас начнётся разговор, который он давно должен был услышать. Про прошлое, которое напомнило о себе через рисунок. Про Ягиню, которой он когда-то поклялся в том, что будет рядом с её ребёнком. И про судьбу, которая не спросила его согласия - она просто привела к нему Ваню. Но прежде, чем он успел что-то сказать, внутри него повторилась одна тихая мысль: «Может быть, я действительно сам запрещаю себе быть счастливым.» ...От этого стало неловко, почти больно - но впервые за долгое время он не оттолкнул это чувство.

Он просто услышал его. И только затем сказал:

- Пойдём, Ваня. Покажешь, что успел сделать. И день начался.

Глава V

Иван

На экране планшета была совсем не та Ягиня, о которой рассказывали в сказках.

Никакой сутулости, никакого возраста, ничего от тех страшных образов, которыми любят прикрывать то, что не могут понять. На рисунке Вани была молодая женщина - сильная, ясная, красивая так, как красива бывает настоящая мощь. Высокие скулы, ровный профиль, губы с мягким изгибом, тёмные волосы, упавшие на плечи как поток густой ночи. Но важнее всего были глаза - глубокие, внимательные, живые.

В них была мудрость, которую нельзя купить и нельзя сыграть.

Увидев её, Кашей на секунду перестал дышать.

...Такую он и помнил... Не чудовище... Не легенду, перекрученную человеческим страхом...А женщину, способную одной лишь тишиной заставить горы слушать.

Он протянул руку, легонько поводя пальцем по краю экрана, будто боялся нарушить хрупкость образа.

«Сильная...» —тихо сказал он. - И живая. Ваня смотрел на него не моргая.

- Я просто... так увидел, - неуверенно объяснил он. - Оно само. Не знаю почему. Как будто... как будто я её знаю, но

ведь не знаю, да?

Кащей на секунду отвёл взгляд и снова посмотрел на рисунок. Слишком много истины было в этих чертах. Слишком много узнавания.

«У неё глаза чуть ярче были», — сказал он так буднично, будто поправлял свет на рекламном макете.

- Чуть другой оттенок. Не серые, а как будто... глубже.

Ваня поднял голову резко, будто его подтолкнуло изнутри.

- Откуда... - он запнулся, растерянно улыбнулся и всё-таки спросил, - откуда вы знаете, какие у неё глаза были?

Кащей ответил медленно, спокойным тоном, в котором не было ни доли колебания.

- Так кажется, - сказал он.

- Бывает, когда смотришь на образ, и ощущение... ну, просто приходит.

Но внутри он думал совсем другое:

«Ты нарисовал её так, как не мог бы нарисовать никто, кто не был связан с ней душой.»

И от этого мысль о Ване становилась только яснее. Ваня, всё ещё держа стилус, поглядывал на меня в ожидании новых комментариев. Он ловил каждое движение, каждый взгляд не из страха, а из какого-то тёплого уважения, которое редко увидишь у молодых. Обычно в двадцать лет больше дерзости, чем внимательности. Но этот парень был другим. Он снова опустил глаза на планшет, поправил легким

движением тени под веками Ягини. Рука у него дрожала совсем немного едва заметно, но достаточно, чтобы понять: внутри у него живёт слишком много всего. Не для его возраста, не для его хрупкого внутреннего мира.

— Вот так... лучше? - спросил он тихо.

- Лучше, - ответил я. - Она становится ближе.

Он снова улыбнулся краешком губ, будто это для него и похвала, и ответственность одновременно. Я смотрел на него и думал: странно, как много в нём отражается того, что я давно пережил. Как будто он идёт по циклу, который людям вообще не положено повторять, но судьба решила испытать повторно - уже другими руками, другим сердцем. Он продолжал рисунок, а я ловил себя на том, что смотрю не столько на иллюстрацию, сколько на то, как он двигается. Резковатые движения, старающийся быть спокойным голос, немного слишком громкий смех, когда он пытается скрыть внутреннее напряжение... Всё это говорило одно: он привык жить так, будто его никто никогда не держит за спину. Как будто он сам себе и опора, и защита. Я вдруг понял: в нём нет опыта, когда взрослый человек просто сидит рядом и не ломается под тяжестью чужих слов. И нет опыта, что его чувства могут быть важными.

- Ты сказал... - начал я осторожно, - что иногда чувствуешь, будто знаешь её.

Ваня слегка вздрогнул, будто я затронул что-то слишком близкое.

- Ну... да, - пробормотал он. - Странно, да? Особенно если подумать, что ее никогда не существовало. Ну, кроме легенд.

«Существовала», — сказал я спокойно, почти незаметно. Он резко поднял глаза.

- В смысле?

- В смысле, что все образы имеют корень, - я откинулся в кресле, не торопясь. - Ничего не появляется просто так. Никакая легенда не переживает века, если под ней нет реально-го человека, реальной энергии, реальной истории. Люди не сохраняют пустые сказки. Они сохраняют то, что резонирует.

Он слушал внимательно, нахмутив брови, будто пытался протянуть руку к какой-то внутренней двери, но еще не понимал, как её открывать.

- Так что... вы хотите сказать, что она была? Настоящая? Эта... Ягиня?

- Может быть, - ответил я уклончиво.

- Может быть, и есть. Временами. В людях. В характерах. В тех, кто умеет видеть чуть глубже. Ты же сам говорил, что чувствуешь её.

- Ну да... - он улыбнулся виновато, - но я думал, что я просто странный.

- Быть странным - полезно, - сказал я.

- Иногда странность — это просто слово для того, что другим недоступно.

Он рассмеялся тихо, но уже увереннее. Смех вышел чуть

сильным, будто от волнения.

А вы... вы, наверное, так спокойно говорите, потому что у вас опыта больше, да? Видели много людей. Если бы он знал, сколько. Но говорить об этом не имело смысла, да и не имел я права.

- Опыт — это просто другое слово для обозначения ошибок, - ответил я. - И для наблюдений. Ты тоже наберёшься.

Ваня задумался, глядя на экран. Пальцы его медленно выводили линии, исправляли пропорции, добавляли свет, убирали лишнее. Он работал с редкой концентрацией - так работают люди, для которых творчество не профессия, а способ выдохнуть.

«Можно спросить?» — вдруг сказал он.

- Спроси. А почему вы вообще меня взяли? Я же не лучший. Я старался, но... ну... в отборе были ребята сильнее. Я думал, что вы выберете кого-то другого.

Я посмотрел на него... долго. И сказал правду - ту, которую можно сказать человеческими словами.

- Потому что твои рисунки живые. Они не «правильные». Они честные. А честность - редкость. Даже более редкая, чем талант.

Он уставился на меня так, будто я говорил о ком-то другом.

- А вы... ну... вы правда это видите?

- Вижу, - ответил я.

- И больше, чем хочешь показать.

Он проглотил воздух, будто ему стало тесно внутри собственных эмоций. Снова усмехнулся - тем самым быстрым, сбивающим смехом, которым закрывают всё лишнее.

- Не знаю, хорошо это или плохо...

«Хорошо», — сказал я.

- Потому что значит - ты не пустой.

Мы ненадолго замолчали. Я чувствовал, как в его тишине формируется доверие, осторожное, как молодой росток. Оно ещё не знало, выдержит ли солнце, но уже тянулось к нему.

- Ладно, - он выдохнул.

- А можно я... ну, покажу вам ещё одну штуку? Она дурацкая, но... Он открыл папку, спрятанную глубоко в файловой системе. Я сразу понял: это то, что он никому не показывал. Те рисунки, которые человек делает, когда ему слишком тяжело. На экране появились маленькие зарисовки. Лицо женщины - молодое, красивое, но уставшее. Длинные волосы, мягкая линия подбородка. Глаза - большие, глубокие. И почти на каждой - мужчина. Его фигура, силуэт. Иногда рядом, иногда позади, иногда вдалеке. Я сразу узнал себя. Не внешне - по энергии. По позе. По тому, как он чувствовал характер, силу, тень. Он рисовал меня, даже не понимая, что рисует.

- Я... - он смутился, - я не знаю, почему. Она мне снилась. И... он тоже. Как будто они вместе были. Как будто...

Он замолчал.

Я смотрел на рисунок и впервые за много лет почувство-

вал: прошлое не просто дышит рядом - оно смотрит в глаза. «Василиса», - сказал я мысленно. И стало почти больно. Но светло.

«Ты хорошо чувствуешь людей», —сказал я спокойно.

- Лучше, чем многие взрослые. Это иногда тяжело, но это дар.

- Дар? - он рассмеялся.

- Скорее проклятие.

- Любой дар — это ответственность, - ответил я.

- Но ты справишься.

Ваня долго молчал, ковыряясь стилусом в углу экрана. Я видел, как у него сжались плечи - едва заметно, но достаточно, чтобы понять: он подошёл вплотную к тому, о чём не любит говорить. И, похоже, впервые в жизни решил сказать. Он вдохнул - коротко, будто нырял.

- Можно... - голос его был тише обычного.

- Можно я кое-что расскажу? Просто... это связано. Мне кажется, связано.

Я кивнул. Он отложил планшет, притянул ногу ближе - поза стала закрытой, детской, почти защитной.

- Я... я же из детдома, - начал он, будто проверяя, как звучат слова. - Мне было пять. Родители... погибли. Авария. Машина. Там... всё быстро было...

Он говорил сухо, почти безэмоционально, но от этого только сильнее чувствовалась боль, глубоко спрятанная под привычной бравадой.

- Я ничего толком не помню. Только свет... - он прищурился, будто снова видел его.

Слишком яркий. И звук. Очень громкий. А потом тишина. И холод. Меня потом нашли на заднем сиденье. Говорили... что мне «повезло».

Усмехнулся...

Горько.

- Забавно, да? Повезло. Ты живой — значит, повезло. Как будто... - он пожал плечами, - как будто это что-то отменяет.

Я слушал молча. Иногда это лучший способ сказать человеку, что ты рядом.

В детдоме у меня никого не было, - продолжил он.

- Никто не приходил. Никому я... ну... не нужен был. Я не жалуюсь, это просто факт. Там все такие. Просто я... при-
вык.

...Пауза...

Но иногда... иногда было так одиноко, что я думал: если бы можно было что-то придумать, что-то своё - хоть тень, хоть придуманный голос - было бы легче.

Он посмотрел на свои руки.

И я начал рисовать. Сначала просто линии, потом лица. Сначала её... - он коснулся пальцами рисунка Ягини, - я не знал, кто она. Но она приходила. В снах, в каких-то... мыслях. Не словами - ощущением. Понимаете?

Я кивнул. Понимал слишком хорошо.

- А потом... потом появился он, - он указал на силуэт муж-

чины.

Не знаю почему. Просто... стоял. Молчал. Смотрел. Как будто... как будто следил, чтобы я не сломался окончательно.

Снова усмешка - на этот раз с теплом.

- Странно, да? Рисовать людей, которых никогда не встречал, но чувствовать, что... они настоящие.

Я смотрел на него, и внутри что-то тихо дрогнуло. Жизнь иногда рисует странные круги. И то, что кажется случайностью, почти всегда – является памятью о чем-то большем.

Ваня продолжил:

- Потом я начал сам учиться рисовать. На всём подряд. На коробках, на тетрадах, на старых газетах. Воспитатели ругались, говорили: «Опять свои ведьмы». А мне... мне это помогало. Это было единственное, что делало мир хоть немного... своим.

Он вздохнул.

- Потом я кое-как накопил, купил планшет старый. И начал рисовать как мог. Смотрел уроки бесплатно. Читал всякие статьи. Потом смог поступить на вечернее. Сейчас доучиваюсь. И всё это сказал не с гордостью. С простотой человека, который привык сам тащить свою дорогу. Он поднял на меня глаза - чистые, немного усталые, но честные.

- Я просто... хотел сказать. Чтобы вы понимали... почему я так держусь за этот шанс. Почему всё это... важно.

Вот в этот момент и проявилось то, что я чувствовал из-

начально: в нём - та хрупкая сила, которую редко встречают взрослые. И которую легко уничтожить, если не знать, как с ней обращаться.

- Ты держишься правильно, - сказал я. - А шанс... ты сам себе сделал. Работой. И тем, что не сломался.

Он опустил взгляд, будто прятал слишком сильную реакцию.

Тогда я продолжил мягче:

- И ещё. Ты не один. Сейчас - точно нет.

Он сжал пальцы, будто пытаюсь удержать внутри то, что подступило к горлу.

- Спасибо... - выдохнул он.

- Правда. Я... давно так не говорил. Я кивнул. И только после этого вернул разговор к рисункам -

так, как будто мы просто сменили тон, а не прошли через чужую боль.

«Покажи третий вариант», —сказал я.

- Там свет просел. Будем исправлять.

Он снова отвёл глаза, будто прятал что-то слишком личное.

- Можно... ещё вопрос?

- Можно.

- А вы когда-нибудь... - он замялся, - теряли кого-то? Чтобы вот... так, как я.

Я вдохнул глубже, чем хотел.

«Да», —сказал я.

- И... это проходит? Вот это... - он коснулся рукой груди, будто искал боль, которую невозможно показать жестом.

- Когда думаешь, что, если вдруг станет хорошо, ты предашь?

Я смотрел на него долго. Слишком долго.

- Не проходит, - ответил я честно. - Но меняется. И если ты позволишь себе жить, память перестанет быть цепью. Она станет крыльями.

Он слушал внимательно, будто впервые в жизни слышал то, о чём всегда молчал.

- То есть... можно быть счастливым? Даже если... ну...

«Даже если да», — сказал я. - Даже если боль была большой. Даже если любовь была сильной. Ты не обязан жить в тени того, что потерял.

Он опустил глаза. Тихо сказал:

- Я иногда думаю, что, если я буду счастливым, мама обидится. Что я как будто забыл.

Я закрыл глаза на секунду.

«Василиса... - подумал я. Ты бы сказала ему то же самое, что и мне».

- Счастье — это не предательство, - сказал я. Это продолжение.

Те, кто ушли, хотят одного - чтобы ты жил. Не чтобы мучился.

Он кивнул. И кивок этот был слишком взрослым. Долгое молчание нарушил лишь звук стилуса. Он снова поправлял

свет на лице Ягини, осторожно добавляя ту теплоту, о которой я сказал. Тут до меня дошло, что это не я помог Ване, а Ваня помог мне...

— Вот, - наконец выдохнул он. - Так лучше. Действительно лучше. Живее. Правдивее.

И тогда раздался стук. Дверь приоткрылась, Сергей вошёл, как всегда - уверенно, громко, без стеснения.

Так, художники, кто тут про счастье говорит, а кто работает?

проговорил он, оглядывая нас.

«Мы совмещаем», —сказал я.

- Ага, вижу, - сказал он, и его взгляд задержался на Ване с какой-то странной теплотой. - Молодец, парень. Продолжай в том же духе. Он махнул мне, показывая, что есть разговор.

«Я подойду», —сказал я Ване.

- Закончишь этот вариант - принеси мне. И... не убивай то чувство, которое ты кладёшь в рисунок. Оно самое ценное.

- Хорошо, - тихо ответил он.

Я вышел с Сергеем в коридор, и пока мы шли, у меня внутри было странное ощущение. Не тяжесть. Не боль. А словно кто-то повернул ключ в давно закрытой двери. И впервые за много лет я подумал: «Может быть, я сам себе запретил быть счастливым. А теперь пора... перестать».

Глава VI

Без суеты

Корнеград в такие утра всегда выглядел одинаково соборным и чужим. Небо было низким, серым, без линии горизонта, и казалось, что город сам решает, сколько света дать людям сегодня. Мокрый асфальт отражал высотки, и автомобили тянулись ровной рекой, будто по одинаковому внутреннему маршруту.

Я ехал медленно, не потому что спешить было некуда, а потому что не видел смысла подгонять то, что и так случится. Машина мягко шуршала по дороге, музыка в колонках играла тихо, почти неразличимо. Можно было совсем выключить, но этот едва слышный фон создавал иллюзию, что мир не молчит. В голове было удивительно пусто. Я давно понял: если с утра внутри слишком шумно, день всё равно не будет от этого проще. Поэтому я научился выбирать тишину. Не ту, когда ничего не чувствуешь, а ту, когда не цепляешься за каждую мысль.

Машина свернула к кварталу, где стояло наше здание. Я заглушил двигатель, вышел из машины. Ветер был прохладным, но не пронизывающим - просто напоминал, что тело живое. Люди в офисе уже наверняка были: наши приходили рано, особенно те, кто зажимал свои невроты в работу. Секретарь заметила меня из-за стеклянных дверей и почти по-

бежала навстречу. На ней было бежевое платье, пальто не застёгнуто, волосы собраны в небрежный хвост. Лицо напряжено.

- Александр... - она спохватилась, - Александрович. Доброе утро. Сергей вас ищет. Уже три раза звонил.

«Не слышал», — сказал я. Телефон лежал в кармане пальто, на беззвучном.

- В моем кабинете?

- Да. Он... - она запнулась, - он нервничает.

Я едва заметно вздохнул. Вчера ж распрощались нормально. Сюрпризы, сюрпризы... ладно... решим. Когда нервничает Сергей, значит, снаружи что-то качнулось сильнее обычного. Внутри - нет. Лифт поднимался, и в отражении матовой двери я видел своё лицо: спокойное, чуть усталое, с тем самым спокойствием, которое многие принимают за холод. Мне не было холодно. Просто на определённом этапе жизни волнения становятся роскошью, которую не можешь себе позволить. Двери открылись. На нашем этаже всегда пахло чем-то одинаковым: кофе, бумагой, пластиком и ещё чем-то своим, неуловимым. Звук клавиатур, приглушённые голоса — всё это успокаивало, как привычный шум моря. Я увидел Сергея ещё до того, как он меня заметил. Он стоял возле переговорной, нависая над столом, и говорил по телефону короткими, рублеными фразами. Как будто спорил не с человеком, а с самой ситуацией.

«Саша», — сказал он, увидев меня. Телефон тут же поле-

тел в карман. - Нам надо в кабинет. Прямо сейчас.

- Доброе утро, - ответил я.

- Оно так себе, - буркнул он.

Из соседнего кабинета выскочила бухгалтер. Маленькая, аккуратная, с вечным блокнотом в руках. Сегодня блокнот был прижат к груди так, словно это не бумага, а щит.

- Александр Александрович, - её голос дрожал, - к нам... пришли.

- Живые? - уточнил я.

Она растерянно моргнула. СКДС. Они... уже в переговорной. Говорят, проверка без предупреждения. И про наш проект... тот, большой, с госпожой Никольской... тоже что-то спрашивали. Сергей закатил глаза.

- Совет Контроля Данных и Стандартов, - перевёл он.

- Эти ребята очень не любят, когда кто-то делает что-то свое. Особенно, если это «свое» не согласовано с их представлениями о «эмоциональной норме».

Я остановился посреди коридора. Сотрудники, проходя мимо, бросали на нас быстрые взгляды. Уже чувствовалось - воздух уплотнился. Люди умеют улавливать тревогу быстрее, чем звук.

«На каком основании?» —спросил я.

- Поступила жалоба, - бухгалтер заговорила быстро, будто боялась, что её перебьют.

- Что наши ролики... формируют у населения «иллюзию свободы, но соответствующую текущему уровню социальной

устойчивости».

Последние слова она произнесла с такой интонацией, что стало понятно: сама-то она не верит ни в одно из них. Внутри у меня не дрогнуло ничего. Эта формулировка была почти смешной. «Иллюзия свободы, - подумал я.

- А настоящую, выходит, они считают опасной. Значит, делаем всё правильно».

«Хорошо», —сказал я.

- Пойдём посмотрим.

Мы двинулись по коридору. Я чувствовал, как сотрудники расступаются, словно неосознанно освобождая нам путь, и как их взгляды цепляются за меня. Многие из них уже переживали своё первое «жизненное потрясение» в рамках обычного аудита: для людей, привыкших проявляться через творчество, любой контроль кажется угрозой существованию. Я ловил взгляды - тревожные, злые, усталые. Некоторые будто спрашивали: «А мы выживем?» Другие

- «А нас уволят?» Третьи

- «А мы вообще нужны, если кто- то там решит, что наши эмоции неправильно влияют на чьи-то продажи?».

В такие моменты я всегда особенно ясно чувствовал, что ни один документ не способен сделать с человеком того, чего человек не сделал уже сам с собой. Мы вошли в переговорную.

Внутри было прохладно. Кондиционер молотил сильнее, чем нужно, отчего воздух казался суше и жестче. За боль-

шим столом сидели трое: женщина лет сорока в идеально сидящем костюме, мужчина с тонкими губами и очками в металлической оправе, и ещё один - с пустым, отрешённым взглядом, который обычно бывает у людей, слишком долго привыкших смотреть не на людей, а в таблицы.

- Александр Александрович, - женщина поднялась. - Спасибо, что нашли время.

Мы представляю...

Совет Контроля Данных и Стандартов, - закончил за неё Сергей. - Мы в курсе. Документы ваши получили.

Женщина чуть нахмурилась от того, что у неё забрали эффект появления, но быстро вернула вежливую маску.

«Мы проводим выборочную проверку медийных агентств Корнеграда на соответствие стандартам эмоционального воздействия на потребителя», — произнесла она отработанным тоном. - Ваше агентство попало в выборку.

Я посмотрел на неё спокойно.

«Выборка по какому принципу?» — спросил я.

Сочетание нескольких факторов, - мужчина в очках чуть приподнял планшет, будто показывая, что ответ написан где-то здесь. Вирусное распространение контента, количество запросов, анализ реакций аудитории. Ваши последние кампании вызвали... резонанс.

Я сел. Не спеша. Не демонстративно медленно - просто так, как сажусь всегда. Важный элемент любой проверки - не отдавать ей больше значения, чем положено.

- Если вы хотите сказать, что люди вдруг начали чувствовать чуть больше, чем привыкли, - сказал я, — это не нарушение. Это побочный эффект того, что им показали что-то живое.

- Мы не оцениваем уровень «живости», - сухо ответила женщина. - Мы оцениваем степень эмоциональной стабильности после контакта с рекламным продуктом.

Я усмехнулся. «Они хотят, чтобы люди оставались ровными, как линия ЭКГ у мёртвого, - подумал я. - Любая эмоция - уже, по их меркам, колебание».

- Что от нас требуется?

«Доступ к архивам ваших кампаний за последние пять лет», —сказал мужчина в очках. - К договорам с подрядчиками, к брифам, концепциям, внутренним перепискам по крупным проектам. Особенно нас интересует ваша текущая коллаборация с агентством госпожи Никольской.

Я заметил, как у Сергея едва заметно дернулся глаз от их формулировки. «Коллаборация с агентством госпожи Никольской» - словно мы играем в чью-то игру, а не делаем рекламу.

- Бухгалтерия подготовит все, что касается договоров, - сказал я. - Креативный отдел соберет брифы и концепции. Переписки мы не предоставляем, это рабочая внутренняя информация. Но, если нужно, можем показать финальные презентации.

Они обменялись взглядами. Я видел - они ожидали со-

противления, возможно даже конфликтов. Люди в их положении привыкли, что их боятся. А там, где их не боятся, им неуютно.

- Мы бы хотели расширить рамки, - женщина приподняла подбородок. - У нас есть право запрашивать...

- У вас есть право запрашивать, - согласился я, - а у меня есть право на корпоративную тайну. Я предлагаю компромисс. Он устроит нас всех. Вам важен результат, нам - рабочие процессы.

Я говорил спокойно. Без нажима. Это было не столкновение, а простая постановка границ. В комнате стало чуть тише. Где-то за стеной хлопнула дверь, кто-то засмеялся слишком громко - нервно. На секунду я почувствовал, как эти звуки густеют, как краска, и ложатся на атмосферу. «Люди уже накрутили себя, - отметил я.

Сейчас их тела переживают то, чего ещё не случилось». Я не поддаюсь общему фону. Когда я молчу, многие считают, что меня ничего не волнует. На самом деле я просто отдаю себе отчёт в том, что волноваться бесполезно. Особенно о том, что не касается жизни и смерти. Аудит - не диагноз. Не приговор. Это просто люди с папками и своим страхом, который они пытаются сравнить с чужой жизнью.

«Мы начнем с архивов», — сказал мужчина. - Наша техническая группа уже подключается к вашему серверу.

Сергей резко повернулся к бухгалтеру.

- Всё, что они запросят - выводи через копии. Пусть ни-

чего руками не трогают.

Бухгалтер кивнула так, как будто ей сказали что-то очень важное. Видно было, что она держится из последних сил. Плечи напряжены, пальцы белые, сжатые вокруг папки. Я посмотрел на неё прямо.

«Всё будет в порядке», — сказал я, и не ради успокоения.

- Даже если нам перекроют кислород по одному проекту - у нас есть другие. И, что важнее, у нас есть вы. Не давайте бумаге решать, кто вы есть.

Она удивлённо моргнула, будто не ожидала, что кто-то в ситуации аудита вспомнит о её личности.

- Да, - выдохнула она.

- Я... постараюсь.

Они разошлись кто куда. Советники с планшетами, бухгалтерия с пачками папок, айтишники с ноутбуками. Офис превратился в муравейник, в котором кто-то внезапно решил устроить проверку.

Тишина вокруг стала гуще, и в ней поднялось нечто старое. Не из этого времени. Запах далёкой земли, влажной, почти чёрной. Гул битвы, как тяжёлый рой под грудной клеткой. Холод, который пробирал тогда куда глубже, чем любой кондиционер в Корнеграде. Поле боя. Оно всегда возвращалось не картинкой – ощущением. Я видел перед собой тех, кто стоял по левую сторону: сердитые, жадные, уверенные, что держат будущее за горло. И того хитрого советника - тот ещё зверь был. Он постоянно улыбался, когда говорил,

но глаза у него всегда были как у лисы: узкие, цепкие, вечно что-то высчитывающие. Он тогда уверял всех, что может «направлять народ», «сохранить порядок», «защитить стабильность». Ложь у него получалась талантливо. Слишком талантливо.

Я помнил его лицо, когда он стоял на высокой насыпи и отдавал приказы: увести музыкантов, закрыть ярмарки, прекратить танцы, запретить песни, призвать людей к покорности – всё ради того, чтобы легче было управлять страхом. Он верил в страх. И торговал им лучше всех. Я помнил, как он погиб. Не от меча...

От темных рук. Глаза таких...всегда одинаково расширялись в последние секунды. Удивление, будто они до самого конца верили, что их хитрость бессмертна.

Вижу, как один из них – тот, что побогаче, тот, кто за деньги выводил против нас крестьян – в тот момент не издаёт ни крика, ни мольбы. Только широко распахнутые глаза, как будто в них впервые поместилась правда. История повторяется. Я стоял в коридоре современного офисного здания, но чувствовал тот же ритм: когда слабые пытаются командовать сильными... Когда те, кто боится жизни, пытаются запрещать её...

Когда люди в серых одеждах думают, что могут распоряжаться тем, как другой должен чувствовать. Ничего нового. Меняются стены. Меняются названия. Меняются инструменты.

Но лица одинаковые. И те из СКДС ничем от них не отличались: глаза те же - узкие, счётные, уверенные, что мир должен быть ровным, как их отчёты. Тогда они прятались за лживыми указами. Сегодня - за словом «не чувствуй».

Тогда - пытались загнать искусство под землю. Сегодня - регламентируют эмоции в рекламе, навязывая людям вредные привычки. Больными проще управлять. И точно так же однажды удивятся, когда поймут, что нельзя остановить то, что живое.

Я открыл глаза. Коридор снова был коридором. Шаги, голоса сотрудников, запах кофе. Но глубоко внутри что-то стояло так же твёрдо, как тысячу лет назад. Я уже видел, как такие падают. И знаю, что будет дальше.

Я остался в переговорной с Сергеем. Он опустился в кресло, откинулся назад и посмотрел на потолок, как будто надеялся увидеть там хоть один здравый смысл.

- Скажи, что ты не хочешь кого-нибудь прибить, - сказал я.

- Хочу, - честно ответил он. - Но понимаю, что это не лучший метод работы.

- Уже неплохо, - кивнул я. Он перевёл взгляд на меня.

- Ты как обычно, да? - спросил он. - Как внутри, холодно?

«Внутри нормальная температура», —сказал я. - Я не собираюсь отдавать свою нервную систему людям, которым всё равно, как я себя чувствую.

Сергей фыркнул.

- Иногда мне кажется, что ты пришёл не из этого города. Потому что корнеградцы любят страдать по расписанию.

- Я слишком долго живу, - ответил я.

- И видел, как люди ломали себя из-за того, что через месяц уже не помнили. В какой-то момент я понял: если это не касается здоровья, жизни или тех, кого ты любишь — это не повод сгорать.

Он посмотрел на меня внимательно.

Думаешь, нашим это сейчас зайдет? - кивнул он в сторону коридора, где слышались приглушённые голоса. - Там половина уже мысленно собирает коробки.

«Зайдёт», — сказал я. - Если говорить с ними честно. А не «держитесь, всё будет хорошо».

Он усмехнулся.

«Ты прямо как работающий психолог», — сказал Сергей.

- Только пока без диплома. Или что-то скрываешь от нас.

Разговор прервал звук открывающейся двери. В переговорную вошла Алиса. Она шагнула внутрь уверенно, как человек, привыкший входить в любые комнаты, не спрашивая разрешения. Светлые волосы уложены, строгий брючный костюм сидит идеально. Лицо сосредоточенное, но в глазах - живой интерес.

За ней шёл Родион - её бизнес-ассистент, с планшетом, вечной папкой и слегка нервной улыбкой. Алиса оглядела комнату быстрым взглядом: на столе открытые папки, на экране - списки кампаний, в воздухе - ощущение недоска-

занной угрозы. «Весёлое у вас утро», — сказала она.

- Я думала, мы будем обсуждать сценарий ролика, а вы тут устроили сериал.

«Мы сериал не заказывали», — сказал Сергей.

- Нам его включили без нашего согласия.

Я смотрел на неё, и заметил - она чуть напряглась плечами. Не от страха. От раздражения. Люди, привыкшие всё контролировать, всегда реагируют так на внешние вмешательства.

«СКДС?» — спросила она.

- Они самые, - подтвердил я.

- Решили проверить, насколько наши идеи устойчивы к их представлениям о норме.

Она подошла ближе, положила планшет на стол.

- И что они хотят?

- Доказательств того, что мы не делаем людей слишком живыми, - сказал я.

Она улыбнулась одним уголком губ, быстро, невольно.

«Опасное обвинение», — сказала Алиса.

- Слишком живыми.

Надо записать, как комплимент.

В этот момент в комнату вернулась женщина-аудитор с двумя папками.

«Александр Александрович, - сказала она, с лёгкой раздражённой улыбкой, — и...» госпожа Никольская, если я правильно понимаю. Мы рады, что вы присоединились. Ва-

ша совместная кампания тоже вызывает вопросы.

- Конечно, вызывает, - Алиса повернулась к ней.

- Любое что-то, что сделано не по вашему чек-листу, вызывает у вас вопросы. Женщина чуть напряглась.

- Мы отвечаем за стабильность рынка, - ответила она.

- Наши рекомендации направлены на то, чтобы поддерживать безопасный фон.

«Безопасный от чего?» —спросил я.

- От радости? От надежды?

- От ощущений? Мы продаём не иллюзии. Мы продаём истории.

- Вы продаёте мечты, которые могут быть слишком несоизмеримы с реальностью, - вмешался мужчина в очках.

- Ваша последняя серия роликов вызвала у части аудитории ощущение, что они могут изменить свою жизнь. А это не всегда возможно.

Я посмотрел на него долго.

- То есть вы хотите, чтобы люди и дальше думали, что изменить ничего нельзя? - уточнил я.

- Прекрасна ваша забота.

Алиса на секунду перевела на меня взгляд. На её лице мелькнуло удовлетворение. Её раздражение сейчас совпадало с моим спокойным несогласием с этим абсурдом. Они подняли головы почти одновременно. Для многих я был не только руководителем. Для некоторых - тем самым взрослым, который выдержит то, что они сами не выдерживают.

- Я скажу одну простую вещь, - начал я.

- И вы можете решить сами, верить мне или нет. Но, по крайней мере, вы это услышите. То, что сейчас происходит, — это всего лишь проверка. Бумаги. Таблицы. Страх других людей, который они пытаются переложить на нас. Это неприятно, да. Это отнимает время, силы, энергию. Но это не угрожает вашей жизни. Не делает вас хуже. Не делает вашу работу менее значимой.

Кто-то тихо втянул воздух. Я продолжил: страх, который вы сейчас чувствуете, — это не про аудит. Это про воспоминания. Про те моменты, когда вас раньше наказывали просто за то, что вы что-то делали не по правилам. Вы уже переживали чувство, что «сейчас всё отберут». И ваше тело помнит. Поэтому оно реагирует так бурно.

Я видел, как несколько человек опустили глаза. Кто-то сжал кулаки. Кто-то, наоборот, разжал, будто впервые заметил, что де жит ручку так, будто она может спасти.

«Но, - сказал я, — реальность проще». Мы живём в городе, где такие проверки - обычный инструмент контроля. Они приходят, уходят. Иногда кусают. Иногда просто шумят. Но они не определяют, кто вы. И не определяют, на что вы способны.

Я устал от мотивационных спичей ещё до того, как их придумали, но сейчас это было не про мотивацию. Это было про правду.

Если сегодня вечером вы придёте домой, обнимете своих

детей, своих партнёров, своих кошек и собак, и никто из них не умрёт от того, что мы прошли аудит, — значит, в жизни всё в порядке. Всё остальное - задачи, а не катастрофы.

Кто-то тихо усмехнулся. Тишина немного треснула.

«Не отдавайте своё сердце бумаге», — сказал я.

- Бумага того не стоит.

В воздухе стал легче. Люди вернулись к мониторам уже иначе. Не с обречённостью, а с ощущением: «Вот это я могу сделать. А на остальное влиять буду, когда будет время». Алиса стояла чуть поодаль. Она слушала всё это - и что-то в её взгляде поменялось. В нём было меньше скепсиса. Больше уважения. И - что неожиданно - немного зависти. Вероятно, она тоже устала жить так, будто любое внешнее событие обьязано её выбить. Когда люди из СКДС окончательно исчезли из офиса, волна суеты спала. Бухгалтер ушла в свой кабинет, прижимая к груди папки уже не как щит, а как инструмент. Айтишники обсуждали что-то вполголоса, переглядываясь со смесью злости и азарта. Я вернулся в кабинет. Через несколько минут туда зашла Алиса. Она вошла без стука. У неё была такая привычка - входить туда, куда считает нужным. И я не стал её переучивать.

«Можно?» —спросила она уже после того, как зашла.

- Ты уже зашла, - сказал я. - Садись.

Она села напротив, положила на стол планшет и сняла пиджак, перекинув его через спинку стула. Белая рубашка, запонки, аккуратные манжеты. Человек, который привык дер-

жать всё под контролем, даже складки ткани.

«Я наблюдала за тобой», — сказала она прямо.

- За тем, как ты разговаривал с ними. И с людьми.

«Диагноз какой?» — спросил я. Она усмехнулась.

«Удивительно здоров», — сказала Алиса.

- Особенно на фоне всех остальных.

- Спасибо, доктор, - кивнул я. Она сложила руки на столе.

- Скажи честно, - её взгляд стал внимательным, сосредоточенным. - Тебе действительно было... всё равно? Или ты просто научился это прятать?

Я задумался на секунду.

«Мне не всё равно», — сказал я. - Я понимаю последствия.

Я вижу картину, знаю, что, если они захотят, могут осложнить нам жизнь. Но... я не вижу ни одной причины отдавать им свои нервы. Даже если мы потеряем проект, мы не потеряем себя. А это единственное, что имеет смысл защищать до дрожи.

Она слушала, не перебивая. Это было редкостью. Обычно она любила спорить.

- Ты говоришь так, как будто у тебя за спиной... - она искала слово, - сто лет практики.

«Больше», - подумал я. Но вслух сказал: достаточно, чтобы понять: большие проблемы — это болезнь, смерть, утрата. Всё остальное - задачи разной сложности.

Алиса опустила взгляд на свои руки. Пальцы сдвинулись, потом разжались.

Ты знаешь, - сказала она, - я всю жизнь живу так, как будто любая задача — это вопрос жизни и смерти. Любой контракт. Любое письмо. Любая ошибка. Как будто, если что-то пойдёт не так, меня просто... перестанет существовать.

«Кто тебя этому научил?» —спросил я. Она усмехнулась криво.

««Дом»», —сказала она. - Семья. Отец. Он считал, что ошибка — это позор. И что позор хуже смерти.

Пауза.

- И я до сих пор живу с этим чувством. Хотя понимаю, что это бред. Но тело реагирует раньше мысли.

Мы с ней были в этот момент ближе, чем за все наши предыдущие встречи. Не по ролям, не по статусу. По уязвимости.

«Тело не умеет отличать аудит от реальной угрозы», — сказал я. - Оно помнит только, как ему было плохо, когда в прошлый раз тебя ругали за ошибку. И каждый новый «похожий» звук - запускает ту же реакцию. Но это не истина. Это просто рефлекс.

Она смотрела на меня, как люди смотрят, когда кто-то чужой вдруг формулирует то, что они много лет боялись сказать сами.

«И что с этим делать?» —спросила Алиса.

- Не бежать же в терапию после каждого аудита.

- Можно и в терапию, - сказал я. - Но для начала достаточно одного простого шага. Каждый раз, когда внутри на-

чинается па- ника, задавать себе вопрос: «Есть ли сейчас реальная угроза моему здоровью или жизни?» Если нет — это не катастрофа. Это привычка паниковать. Привычки можно менять.

Она всмотрелась в меня внимательнее.

«Ты точно не психотерапевт?» —спросила она. - У тебя странно системно всё по полочкам.

- Я просто много наблюдал, - ответил я.

- И за собой тоже. Я тоже когда-то реагировал так же. Я тоже думал, что не имею права быть спокоен, пока всё вокруг горит. А потом понял: если я горю вместе с этим, тушить будет некому.

Алиса усмехнулась.

«Ты знаешь, - сказала она, — меня всегда раздражали спокойные люди». Казалось, что они просто отключены. Ничего не чувствуют. Прячутся.

«Я чувствую», —сказал Кашей. - Просто не бегу за каждым чувством, как за пожарной машиной. Я даю ему место - и остаюсь на месте.

Она кивнула медленно.

- Было страшно, - призналась она вдруг. - Когда я вошла и увидела этих... с Совета. Я опоздала на минут двадцать. И всё это время в голове были картинки: как нас закрывают, как срывают запуск, как проекты падают один за другим. Я сама себе рисую фильмы ужасов. Потом захожу - а ты стоишь. Спокойный. И всем от этого... становится легче.

- Страх — это талант, - сказал я.

- Ты умеешь строить сильные сценарии. Просто иногда не туда их применяешь.

Она фыркнула.

«Ты сейчас меня мягко отругал?» —спросила она.

Я сейчас сказал, что ты можешь использовать свою силу иначе, - ответил я.

Она подалась вперёд.

То есть... не превращать каждый аудит в конец света?

- Да, - кивнул я. - А просто в эпизод. Который закончится.

Она откинулась назад и, кажется, впервые за всё время в моём кабинете позволила себе расслабить плечи полностью.

- Если бы мне кто-то сказал лет в двадцать, - тихо произнесла она, - что можно не сгорать каждый раз, когда вокруг что-то рушится, - я бы, возможно, жила иначе.

- Тебе сейчас не двадцать, - сказал я. - Но и не восемьдесят. Есть куда перестроиться.

Она посмотрела на меня с лёгким вызовом.

- А ты сам себе разрешаешь быть счастливым, когда вокруг рушится? - спросила она.

Вопрос ударил точнее, чем она, вероятно, планировала. Я вспомнил Ваню. Его глаза, когда он говорил про детдом. Его шёпот о том, что он как будто не имеет права радоваться. И вспомнил себя в тех временах, когда считал то же самое.

«Учусь», —сказал я честно. - И мне помогло одно понимание. Если я запрещаю себе быть счастливым, пока в мире есть

страдание, - я просто добавлю в этот мир ещё одно несчастного человека. Это никому не поможет.

Она молча смотрела. Потом кивнула. Очень медленно, как будто внутри что-то переключилось.

«Ладно», — сказала она, поднимаясь. - Пойдём работать. Если уж на нас тратят время целые три аудитора, грех не оправдать ожидания.

- В хорошем смысле? - уточнил я.

- В нашем, - ответила Алиса. - В том, где люди имеют право что-то чувствовать. Алиса уже закрывала планшет, словно отрезая себя от происходящего, и шагнула к двери. В её походке всегда было это характерное: будто она не идёт, а вычерчивает линию, за которую другим заходить не рекомендуется. Я позволил ей почти дойти до порога, прежде чем спокойно сказал:

Сегодняшний день вытащил слишком много лишнего шума. Вечером встретимся, разложим всё спокойно, без спешки, и доведём проект до нужной точки.

Она остановилась. Не сразу обернулась - сначала выдохнула едва заметно, как человек, который пытается понять, услышал ли он то, что услышал. Потом повернула голову, и на лице появилось то самое выражение, которым она обычно встречала попытки выйти за рамки регламента.

- Вечером? - уточнила она медленно, выделяя слово.

- В нерабочее время?

Чуть приподняла бровь, едва уловимо, но с таким смыс-

лом, будто я предложил ей не рабочую встречу, а что-то совершенно иное. Я на такие «встречи» не хожу.

Я чуть наклонил голову, глядя на неё спокойно.

Ты уже придумала название встречи, которой ещё нет, - ответил я.

- А я, между прочим, говорил исключительно про рабочие вопросы. У нас висит презентация, блок правок, несогласованные элементы концепции и то, что аудит сегодня попытался нам зарубить. Всё это - рабочее.

Она медленно скрестила руки, будто проверяя мою стойкость.

- Ну да, разумеется, - сказала Алиса, и в голосе скользнуло лёгкое, колючее кокетство, которое она выдаёт крайне редко.

- Очень всё это похоже на «строгие рабочие разговоры». Такие рабочие, что ты почему-то назначаешь их вечером. Интересный подход, Александр.

- Интересный? Возможно, - ответил я. - Но абсолютно логичный. Мы весь день бегали между аудиторами и пытавшимися удержать себя в руках сотрудниками. Вечер - единственное время, когда никто не врывается в кабинет с фразой: «Срочно посмотрите вот это!» Я сделал паузу и добавил мягче, но всё так же ровно: То, что ты решила увидеть здесь что-то нерабочее, - уже твоё творчество, Алиса. Не моё.

Её губы едва заметно дёрнулись. Не совсем улыбка - скорее реакция человека, которого подловили на собственной же игре. Значит, так, - сказала она, чуть выпрямившись.

- Если это строго рабочая встреча, и никаких... других подтекстов ты в неё не вкладываешь, то я приду. Но предупреждаю сразу: если разговор уйдёт в сторону «нерабочих тем», я просто встану и уйду.

— Значит, будем держаться ближе к документации, - сказал я. - И только по сути.

- Хорошо, - отрезала она, но в голосе уже звучала та самая лёгкая вибрация - смесь раздражения и интереса, которую она тщательно скрывает.

Она повернулась к двери, задержалась ещё на миг и бросила через плечо:

- Восемь. Не позже. И, пожалуйста, без сюрпризов.

«Алиса, - сказал я спокойно, — сюрпризы ты сама себе рисуешь». Я же тебе их не предлагаю.

Она чуть дернула плечом - жест той, кто не хочет показывать, что её задела. И вышла. Дверь закрылась тихо, но оставила в комнате странное напряжение - будто где-то в пространстве осталась небрежно отпущенная струна, которая продолжает вибрировать. Я подумал о том, что день, который мог бы стать поводом для массовой истерики, стал чем-то вроде тренировочного зала. Для всех. Для Вани, который тихо рисовал Ягиню и учился говорить о своей боли. Для сотрудников, которые учились не отождествлять себя с аудиторским актом. Для Алисы, которой мир показал, что можно оставаться сильной, не сгорая. И, возможно, для меня тоже. Я посмотрел в окно. Корнеград жил своей жизнью.

Машины ползли по дорогам, люди шли по тротуарам, кто-то спешил, кто-то злился, кто-то смеялся. Где-то плакал ребёнок. Где-то кто-то сдавал важный отчёт. Где-то кто-то узнал о диагнозе. Где-то - о том, что родился новый человек. И на фоне этого всего три аудитора с папками выглядели... просто деталями. Я улыбнулся сам себе. Совсем чуть-чуть.

«Жизнь продолжается, - подумал я. - И лучше я буду принимать её спокойно. Даже тогда, когда она кричит».

Телефон завибрировал. Сообщение от Вани: «Я закончил правки по глазам. Кажется, теперь она смотрит как живая. Можно зайти?»

Я набрал в ответ: «Заходи. Живое здесь всегда в приоритете». И день продолжился.

Глава VII

Сергей

Когда дверь за последним аудитором закрылась, офис будто выдохнул. Шорохи стихли, голоса разбежались по углам, кто-то сразу пошёл курить, кто-то демонстративно уткнулся в монитор, делая вид, что ему всё равно. Лампочки под потолком светили слишком ярко, как это бывает после долгого напряжения: будто мир не успел подстроить яркость под людей. Сергей несколько секунд стоял в коридоре, слушая эту странную пустоту, потом резко развернулся и пошёл ко мне.

«Пошли», — только и сказал он на ходу. - Пока никто за нами не следит.

Мы зашли в мой кабинет. Я прикрыл дверь, не захлопнув, а просто плотно притянув - так, чтобы звук остался снаружи. В комнате стало чуть темнее: свет из окна был мягче, чем из коридора. За стеклом медленно сгущался вечерний Корнеград, включались вывески, вспыхивали фары, где-то внизу кто-то сигналил без особой нужды. Сергей прошёл к столу, опёрся руками о край и какое-то время молчал. Я видел по плечам - его всё ещё трясло, хоть он и держал лицо.

- Я сейчас минут пять думал, - наконец произнёс он, не поднимая головы, - что, если они ещё хоть одно слово скажут про «эмоциональную нестабильность населения», я кому-нибудь этим планшетом по голове вдарю.

Иногда, когда Сергей начинал говорить в своём обычном резком темпе, в нём пробивалось что-то древнее - то, что в людях этой эпохи не встретишь. Не только вспыльчивость, а больше: тот самый порыв защитника, который готов рвать без предупреждения, если заденут тех, кто под его крылом. Он мог быть спокойным неделями, выдержанным, почти холодным. Но стоило почувствовать угрозу - огонь в нём поднимался мгновенно. Чистый, прямой, честный. В такие секунды я неизменно вспоминал Горыныча. Того, кто когда-то стоял рядом со мной на склоне, когда ветер гнал по полю туман, а вражеские ряды уже сомкнулись. Тот, кто всегда шёл первым, не потому что был безрассуден, а потому что иначе просто не умел. Его ярость была такой же прямой, как солнце в полдень - без хитрости, без изломов. Удар в лоб. За своих - до последнего вздоха. Сергей был слишком похож на него в эти моменты. Похож не внешне - характером. Тем, как напрягается линия плеч, как сжимается челюсть, как взгляд становится узким, зрачки расширяются, будто он уже слышит врага, ещё не появившегося в дверях. И всякий раз, когда я видел это, меня накрывала короткая, резкая тень прошлого: Горыныч, ступающий рядом, дыхание тяжёлое, земля под ногами дрожит. И - его голос: «Скажи, кого ломать, и я пойду первым». Он всегда говорил это без злобы.

Просто как факт: он существовал, чтобы защищать. Сергей - такой же. Только заменить меч на современную логику, силу на точность, инстинкт на прямолинейность - и узна-

вание становится почти болезненным. И, наверное, поэтому рядом с ним мне всегда было проще держать равновесие: Он напоминает мне, что мир меняется, а природа человека - нет. И что те, кто рождены стоять в первом ряду, никогда не перепутают своё место. Я сел в кресло, откинулся, наблюдая за ним.

- Хорошо, что не сказал, - заметил я. Он фыркнул.

- Хорошо, что ты был в комнате. Если бы я вёл переговоры один, нас бы уже закрыли. Или я бы сел. За честность.

Он наконец поднял взгляд на меня. Глаза - усталые, злые, но живые.

«Скажи честно», — сказал Сергей. - Ты вообще не боишься, да? Ни на секунду не подумал, что они могут серьёзно вгрызться, перекрыть нам кислород, заблокировать всё к чёртовой матери?

Я на секунду задумался, не над ответом - над формой.

- Бояться - нет, - сказал я. - Считать риски - да. Это разные процессы.

Сергей оттолкнулся от стола, прошёлся по кабинету, заглянул в окно. За стеклом город казался чужим, как муравейник, в котором люди живут по расписанию.

- Неужели ты ни на секунду не подумал, - продолжал он, - что они реально могут нас прижать?

Я посмотрел на его напряжённую спину. Внутри было спокойно. Не потому, что я не видел угрозы. А потому, что она была... знакомой.

«Серёж», — сказал я. - Ты правда думаешь, что они все-рьёз рассчитывают, будто я держу всё на поверхности?

Он обернулся.

- В смысле?

Я чуть улыбнулся. Спокойно.

- В смысле, - продолжил я, - что только очень наивные люди верят: если у кого-то много влияния, всё его влияние лежит в одном месте. В одном офисе. В одном счёте. В одном проекте.

- Ты сейчас хочешь сказать, что у нас есть запасные аэродромы? - прищурился он. - Или что ты десять лет тайком строил подпольную империю?

- Не империю, - возразил я. - Скорее, сеть. Я просто не привык складывать все в одну корзину. Ни деньги, ни людей, ни идеи, ни силы.

Он подошёл ближе, сел на стул напротив, уже без прежней суетливости.

««Раскрой»», — сказал он. - Я в курсе не всего, и это меня иногда бесит.

Я помолчал. Внутри поднялось лёгкое чувство - похожее на то, когда открываешь давно закрытый ящик. Неприятно, но нужно.

- Я давно понял, что мир всегда будет пытаться найти точку давления. Одну. Самую болевую. И давить туда. Если у тебя всё завязано на одном - человеке, проекте, источнике денег, городе, - ты заложник. Стоит кому-то нажать - и ты

падаешь, - я посмотрел ему прямо в глаза. - Я не люблю быть заложником.

Сергей кивнул, медленно. Это было не открытие - подтверждение того, что он всегда чувствовал, но не формулировал.

- Поэтому, - продолжил я, - в этом городе у нас есть то, что они теперь видят: офис, команда, контракты, проекты. Это - поверхность. Но есть и нижний слой: люди, которые ушли на фриланс, но остались нашими. Партнёры в других городах. Клиенты, которые будут работать с нами не из-за лицензий, а из-за того, что мы делаем. Есть архивы, которые у них никогда не окажутся в руках. Есть капиталы, которые не лежат в одном банке.

Я пожал плечами. Даже если они перекроют нам один поток это будет неприятно, но не смертельно. В крайнем случае, мы просто сменим оболочку. Не суть. Сергей усмехнулся.

«Как змея кожу?» —спросил он.

«Примерно», —сказал я.

Он посидел молча, переваривая. Потом снова спросил:

— Это я понимаю. Но я о другом. Мы сейчас можем лишиться не только денег. Мы появились в поле зрения. На нас повесили ярлык. Начнётся шум, шёпот, осторожные звонки. Люди боятся работать с теми, кого «проверяют сверху». И дело не в лицензии, а в репутации. Вот это тебя не тревожит?

- Историю пишут не только те, кто громко шумит, - сказал

я. - Но и те, кто работает, пока шум стихает. Я видел уже не одну волну, когда кого-то пытались заклеить. В каждом времени - свои обвинения. «Слишком свободный». «Слишком умный». «Слишком влиятельный». Выживают не те, кто оправдывается, а те, кто продолжает делать своё дело и не даёт чужим ярлыкам становиться истинной.

Я наклонился чуть вперёд.

- Репутация — это не то, что про тебя говорят. Это то, что ты делаешь последовательно. У нас достаточно людей, которые знают, КАК мы работаем. Остальные... подтянутся или отвалятся. Это не трагедия. Это фильтр.

Сергей потер лицо ладонью.

«Ты меня бесишь», — сказал он без злости. - Своим спокойствием. Как будто у тебя внутри вообще ничего не реагирует.

Я медленно вдохнул. И в этот момент позволил себе опустить взгляд внутрь - глубже, чем обычно. Там, под всем этим спокойствием, жило кое-что другое. Тьма. Не в том смысле, в каком её пугаются по ночам дети. Без рогов, без чёрных плащей. Скорее - плотная, вязкая сила. Объём. Та часть меня, которая всегда готова рвануть вперёд, схватить за горло, разорвать. Та, которая помнила кровь на снегу, хрип лошадей, запах горячей древесины. Та, которая могла одним взглядом остановить зверя и заставить стаю волков развернуться. Я всегда чувствовал себя чуть ближе к волкам, чем к людям. Они честнее. Они не притворяются, что им всё

равно. Эта тьма жила во мне, как большой хищник, спящий у ног. И каждый раз, когда мир пытался загнать меня в угол, она приподнимала голову. Сейчас - тоже. Я чувствовал: ещё чуть сильнее давление, и она начнёт шевелиться.

«У меня реагирует», — сказал я тихо. Ещё как. Сергей вскинул брови.

- О, - усмехнулся, - а вот это уже интереснее. - Ты тоже умеешь волноваться?

Я помолчал, вспоминая. Иногда память приходила не картинками, а ощущениями. - Не волнение, просто когда-то, - сказал я, - я был... менее сдержанным. Мягко говоря. Я видел несправедливость и шёл на неё с кулаком. Видел тех, кто ломает, - и ломал их сильнее.

Я усмехнулся краем губ.

«И что?» —спросил он. - Помогало?

- На короткой дистанции - да, - ответил я. - Можно уничтожить врага. Можно сжечь крепость. Можно выбить клин между теми, кто думает, что вечен. Это даёт ощущение силы. Но...

Я посмотрел в окно, на отражение собственного лица в стекле.

- Но в какой-то момент ты понимаешь, что разрушение — это самый ленивый способ менять мир. Разрушать проще. Труднее - выдерживать, выстраивать, разговаривать, дотягивать людей до понимания вместо того, чтобы их рубить.

Внутри зверь отозвался - недовольным рыком. Он любил

простые решения.

- И ты запер его? - уточнил Сергей. - Этого своего внутреннего волка?

- Не запер, - покачал я головой. - С ним так не работает. Если запираешь - рванёт сильнее. Я... договорился.

Я на секунду прикрыл глаза.

Я сказал ему: мы будем идти по-другому. Пока можно решать словами, знаниями, стратегией, людьми, которых мы выращиваем, ты будешь отдыхать и получать свое через телесность и ощущения, через творчество, через истории, через тонкие вещи. Твоя очередь приходит только тогда, когда все остальные пути действительно закрыты. Не из каприза. А когда другого выхода нет.

Сергей молчал. Он никогда не боялся моих странных формулировок, но сейчас у него в глазах мелькнуло что-то вроде... уважения с примесью инстинктивного страха.

«И сейчас...» —сказал он медленно. - Как ты оцениваешь ситуацию? До его очереди далеко?

Я прислушался к себе. Тьма ворочалась лениво, словно огромный зверь, который чувствует запах близкой охоты, но ещё не слышит команды.

- Пока да, - ответил я. - Слишком мелко. Это обычная попытка прижать тех, кто выбивается из строя. С этим можно разобраться по-человечески. Юристы, связи, репутация, работа. Это уровень документов, а не крови.

Сергей выдохнул.

- Я не готов к эпохе, когда ты решишь снова всё крушить.

«Я тоже не горю желанием», — заметил я. - В прошлый раз это обошлось слишком дорого всем.

Он кивнул. Возможно, до конца не понимая, насколько «прошлый раз» был давно.

- И всё-таки, ты серьёзно веришь, что нынешние... - он поморщился, подбирая слово, - регуляторы, контролёры, советчики, эти наши бумажные жрецы, правда могут стать опасными до такой степени, чтобы будить в тебе эту хрень?

Я задумался. На миг вернулось ощущение поля - не того, где мы сражались мечами, а поля смыслов. Когда одна маленькая идея, не замеченная вовремя, разрастается как плесень.

- Опасность - не в них, - сказал я. - Опасность в том, что люди привыкают к тому, что ими регулирует. Сегодня - в рекламе. Завтра - в книгах. Потом - в том, как можно любить, как можно горевать, как можно радоваться. Это не эти трое с планшетами страшны. Страшно, если мир решит, что они правы.

Сергей тихо выругался.

«А что мы можем сделать?» — спросил он. - Кроме как продолжать снимать «слишком живые» ролики и получать проверки?

Я усмехнулся.

- Очень многое, - ответил я. - Мы можем показывать людям, что чувствовать - нормально. Через каждую кампанию,

через каждую историю. Мы можем не подстраиваться под их «эмоциональные нормы», а задавать свои. Мы можем быть теми, кто не соглашается на выровненное море без волн.

Я наклонился вперёд.

- А ещё мы можем не бояться. Паника - лучший союзник таких структур. Когда люди боятся, ими легко управлять. Когда люди спокойны, но внимательны - их сложнее согнуть.

Сергей встал, прошёлся по кабинету, потом вернулся к столу и вдруг сказал более серьёзным тоном:

- Саш, можно я скажу одну вещь, чтобы ты потом не сделал вид, что не слышал?

- Попробуй, - ответил я.

Я видел сегодня, как на тебя смотрела Алиса, - сказал он. - И как на тебя смотрел Ваня. И как на тебя смотрели все остальные. Ты для них... не просто директор. Не просто «тот, кто всё разрулит». Ты для них - точка, в которой мир не разваливается. Если ты рухнешь, они рухнут следом.

Я посмотрел на него долго. В этих словах не было ни пафоса, ни жалости. Только факт.

- Поэтому мне важно и донести до них, что и без меня они - сила, они - сами себе самая главная опора, - сказал я и чуть усмехнулся.

- Но если когда-нибудь придёт время, когда все двери действительно будут заколочены, - я на секунду увидел то поле, - ...тогда, возможно, тьме придётся встать.

Я встретил взгляд Сергея. Он уже подошёл к двери, когда обернулся:

- Кстати, про мудрость. Я всё-таки зафиксирую: когда ты в следующий раз будешь что-то продумывать «не на поверхности», не забудь хотя бы мне пару линий показать. Чтобы если вдруг тебя выбьет, кто-то ещё знал, где у нас запасные мосты.

- Хорошо, - сказал я. - Учту.

Дверь закрылась. Я остался один. Внутри зверь медленно опустил голову обратно на лапы. Ему всё ещё не нравилось, что мир лезет на его территорию. Но он принял новый контракт: ждать.

Я сидел в тишине и чувствовал, как через стены кабинета проходят чужие тревоги. Они были лёгкими, как дым, и плотными, как туман. И всё, что я мог сейчас сделать, - стоять устойчиво.

Для себя.

Для Сергея.

Для Вани.

Для Алисы.

Для тех, кто ещё не знает, что мир можно переживать иначе.

«Мы будем бороться по-другому, - сказал я мысленно. - Не мечом. Словом. Смыслом. Работой. Физикой. А если этого окажется мало... тогда поговорим».

В ответ из глубины пришёл тихий, глухой звук. Не рыча-

ние - дыхание. Он согласился. И этого пока было достаточно. Вдруг он вспомнил слова Ягини - Безу краса, без мягкости: «Ты не святой, Кашей. В тебе есть жёсткость, есть разврат, есть тёмная жажда. Это не слабость. Это твоя природа. Прими её». И в тот же миг память выстрелила - тем самым моментом, который он считал давно забытым. Интим был не про нежность: он был про правду тела, про ту силу, которая не просит разрешения. Он ощутил, как внутри поднимается зверь - не разрушая, а напоминая, что он живёт в нём всегда. Воспоминание било чётко, почти физически, и ему пришлось сделать глубокий вдох, чтобы удержать себя в границах...

...Слухи всегда разговаривают громче фактов. Особенно в маленьких городах. Про него шептались с лёгкой завистью и с готовым приговором: гуляка, красив, харизматичен до неприличия, любит женщин, а женщины любят его. В этом уравнении, казалось, всё было решено до неё. Она выбрала простую тактику - смотреть трезво. Не верить словам, не верить тени от слов. «Красивые редко бывают надёжными», - напоминала она себе, затягивая хвост потуже, будто узел на мысли. Когда он подошёл, было странное ощущение: будто не он разрезал пространство к ней, а пространство подвинулось само, освобождая дорогу.

- Ты смотришь так, будто умеешь слышать музыку за шумом, - сказал он без улыбки.

- А ты говоришь так, будто тебя не касается ничьё мнение,

- ответила она.

Оно и правда не касается. Но твоё мнение мне интересно. Ей не понравилась эта прямота. И понравилась. Прямота, которая не требовала ответа, но давала право на него. Он не давил, не шептал комплиментов, не рисовал из воздуха красивые обещания просто стоял рядом, не торопясь, как человек, у которого время работает в союзниках. Слухи вцепились в неё привычно. Подруга скинула голосовуху: «Ты осторожней с ним. Он - как огонь в чёрном стекле: красиво и обжигает». Она прослушала до конца и стёрла. Кашей предложил поехать на турбазу... вечером. «Там вода, тишина, и я умею молчать, отдохнешь», - добавил он, как будто это было главное. Она сказала: «Я подумаю». И через час сидела в его машине, удивляясь, как легко иногда тело принимает решения раньше сознания. Дорога была ровной и длинной, как улетающая в темноту лента. Фары резали ночь на аккуратные ломтики, музыка дышала где-то позади слов. Ветки вдоль трассы складывали ладони над их крышей, и эта чёрная церковь из деревьев принимала их без вопросов.

- Говорят, ты бабник, - сказала она наконец, просто чтобы не прятаться за другие темы.

- Говорят, - кивнул он.

- И?

- И.... ничего... Люди любят упрощать.

- Тебе удобно, когда тебя упрощают?

- Мне удобно, когда я выбираю сам.

- Женщин? Смысл.

- Красиво, - усмехнулась она, - но не уйдёшь от ответа.

- Не уйду. Мне нравится, когда женщина знает, чего хочет.

Когда не лжёт себе. А врут обычно не мне - себе.

Он не оправдывался и это было странно приятным раздражителем. Она чувствовала, как внутри поднимается волна - не ревности, нет, - волна интереса: настоящий он сейчас или такой же аккуратно собранный, как его коричневый руль под ладонью?

«А ты?» —спросила она. - Ты себе врёшь?

Он посмотрел на дорогу, на миг чуть отпустил ногу с газа, будто примеряясь к другим скоростям.

- Стараюсь не успевать. Врать себе — это всегда спешка. Я думаю о том, что мне важно и что я хочу.

Минут через десять он выключил музыку. В тишине мотор звучал, как низкий пульс. Ночь стала гуще. Дорога - реже. Кашей перевёл взгляд на неё, недолго, но так, что тепло под кожей сдвинулось.

- Есть вещи, которые не надо растягивать вежливостью, - сказал он. - Я сейчас говорю не про правила. Про честность. Я хочу тебя. С того момента, как мы встретились. И мне тяжело делать вид, что могу спокойно доехать до воды, налить чай и праздно говорить про звёзды.

Она поймала себя на том, что дышит короче. Внутри у трезвой девочки включился сигнал: «Стоп. Не спеши. Проверь». И тут же - другой, взрослый: «Проверять — это не

значит прятаться». Её ладони стали теплее. Трасса потянулась пустыней. Ночь слипалась в чёрный сахар. Трасса пустая, ветер шипел в кустах, фары чужих машин не попадались уже минут пять. Он свернул так резко, что гравий ударил по аркам - коротко, как предупреждение. Заглушил мотор, и сразу стало слышно их дыхание - два разных темпа, две разные власти в одной точке. Он вышел из машины и открыл ей дверь.

«Выйди», — сказал он.

Без вопроса. Как приказ, который либо принимают, либо бегут. Она не побежала...

Дверь клацнула. Воздух дотронулся до шеи. Металл машины был тёплый - капот держал в себе жар дороги, и от этого казался живым. Кащей подошёл близко. Настолько, что тень от него упала на неё целиком.

- Смотри на меня, - коротко.

Она подняла взгляд. В глазах у него не было ни торга, ни просьбы - только ровная, сжатая в силу тишина.

- Скажи «да». Сейчас.

- Да, - ответ прозвучал быстрее, чем успела подумать. Ещё раз.

- Да. Тогда слушай.

«Стой. Ещё можно сказать «нет».

- Сейчас - можно», - думает она, но голос не поднимается. Вместо голоса - тепло под кожей, которое знает, чего хочет раньше слов. Его ладонь просто легла на её подбородок и

сжала чуть крепче, чем положено для нежности. Поцелуй не был «мягким знакомством». Он был захватом. Он вломился внутрь так, как будто проверял её на прочность. Давил, держал, не отпускал. Его дыхание смешалось с её - горячее, требовательное, рваное. Она чувствовала, как металл замка ремня холодит под ее пальцами, пока другая рука лежит на его плече, и эта рука дрожит не от страха, а от невозможности контролировать.

«Слишком резко», - мелькнула мысль. Но сразу же другая:

«Именно это и нужно». Потому что в его движении не было случайности - только решение. Кащей целовал так, как делают шаг вперёд в драке: без права на отступление. Он слегка оторвался, удерживая её за подбородок.

- Скажи «хватит», если не хочешь, я пойму, - голос низкий, хриплый, но уверенный.

Она выдохнула. Слова застряли в горле.

- ...Не хочу, чтобы ты останавливался.

Резко стало слышно, как ночь дышит: ветер тянулся сквозь траву, далеко кричала какая-то птица, в темноте шуршали насекомые. Холодный воздух коснулся её кожи, отрезвил на секунду.

Кащей сделал шаг назад. Она вдохнула - и тут же почувствовала, как он подошёл сзади. Его мысли были короче: «Она дрожит, но не от страха. Я чувствую - её тело отвечает. Не дать ей паузы. Не отпустить». Он прижал её к капоту всем корпусом, ещё целуя, не давая вдохнуть по-настоящему.

му. Потом оторвался, глядя ей прямо в глаза - близко, так, что она видела блеск его зрачков.

- Ты знаешь, что я делаю, - сказал он спокойно. - И всё равно останешься.

Она кивнула, не в силах выдавить слова. Он развернул ее и снова поцеловал, жадно, не сдерживая их порывы. Кашей прервал поцелуй резко, глядя в глаза так близко, что она почувствовала, как холод ночи мешается с его горячим дыханием.

«Руки не здесь», —сказал он глухо.

Он шагнул к машине, распахнул дверцу и опустил стекло. Хрустящий звук механизма в ночной тишине прозвучал как команда.

«Сюда», —сказал он и поставил её руки сам. Его ладонь жёстко прижала её пальцы к краю окна. - Держись.

Стекло было ледяным. Она вздрогнула, плечи дрожали, но убрать руки не могла - он держал их сверху. Он шагнул чуть назад, чтобы видеть её целиком. Его взгляд скользнул от её затылка к талии, к ногам. В его голове пронеслось короткое: «Хорошая. В линии. Она моя. Так и должно быть». Резко подхватил её бедро ладонью, толкнул в сторону. Коленом подвёл дальше, расставил шире. Вторую ногу поддел ботинком, сдвинул наружу. Вернулся выше, поправил её руки на стекле - шире, крепче. Снова посмотрел на неё, задержал взгляд. Схватил подол платья и рывком поднял вверх. Ткань зашуршала, застряла на талии. Он чуть отступил, посмотрел

сбоку, как открылась линия тела.

Пальцы разомкнули карман, достали тонкий свёрток. Кашей доставал презерватив медленно, как будто растягивал время. Металл ремня позвякивал при каждом движении. Она услышала его отчётливо, и сердце сорвалось с ритма. Кашей остановил движения и посмотрел. Смотрел на неё, на изгиб её спины, на то, как плечи дрожали от холода. Смотрел так, будто отмечал каждую деталь: руки прижаты к стеклу, бедра чуть согнуты, ноги расставлены так, как он поставил.

Разорвал упаковку пальцами, аккуратно, без суеты. Презерватив остался между пальцев, блеснул в темноте. Левой рукой расстегнул до конца ремень, потом ширинку. Движения были спокойные, без суеты. Он натянул презерватив на член, не спуская глаз с её спины. В его жестах не было ни спешки, ни дрожи - всё было точным, размеренным. Не торопился. Он не отводил взгляда от неё, и она чувствовала, что каждое его движение делается в упор к её ожиданию.

Он отбросил пустую плёнку в сторону. Вернулся ближе. Рукой прижал её ладони к стеклу сильнее. Второй рукой лег на поясницу, чуть согнул вниз, выставил угол. На секунду замер. Смотрел сверху вниз на то, как она стоит перед ним, как дыхание её сбивается и пар выходит изо рта в холодной ночи. «Красиво. Ровно так, как должно быть. Всё моё». Он тихо, но твёрдо сказал:

- Теперь стой. Ни на миллиметр.

Её ладони вцепились в край окна, стекло холодило кожу

так, что пальцы сводило. Она стояла так, как он поставил: руки вытянуты, спина согнута, ноги расставлены. Ветер гнал ночной запах травы и асфальта, воздух был прохладным, и от этого её тело ещё сильнее ощущало каждое касание... Он подался вперёд, коснулся своим бедром, рукой прижал её поясницу еще чуть вниз, выставил угол удобнее себе. Второй рукой придерживал её за плечо. Так. Не двигайся, - коротко.

...На секунду задержался, смотрел, как она стоит.

Потом вошёл сразу - резким, полным движением, без паузы. Она выдохнула, тело дёрнулось к стеклу. Он удержал её поясницу, не дал уйти вперёд. Вогнал член снова. Движения были прямые, быстрые, каждое ударяло вглубь так, что её ладони сжимали стекло сильнее. Её дыхание стало рваным, пар ложился на окно облаками. Он задавал темп сам - жёсткий, без прелюдий, без мягкости.

«Держись», - сказал он, и вогнал сильнее. Она выдохнула коротко, сдавленно.

Он двигался ритмично, без сбоя: назад-вперёд, снова глубоко. Каждый раз чуть сильнее, чуть быстрее. Он контролировал угол её спины, поправлял рукой, чтобы она не выпрямилась. Стекло холодило её ладони, но сзади всё горело.

- Не двигайся! Сам, - приказал он, вогнав ещё раз глубже. Кашей держал её поясницу жёстко, не давая ни отодвинуться, ни подняться. Двигался глубоко, ровно, вгоняя её к стеклу каждым толчком. Металл звенел в тишине от её движений, её дыхание расплывалось паром на стекле. Она пыта-

лась держаться, но ноги дрожали, колени подкашивались. Он сам расставил их шире ещё раз носком ботинка, коротким жёстким толчком в щиколотку.

- Дальше! Вот так.

Он бил ритмом без пауз, каждое движение вгоняло член глубже. Она кричала его имя снова и снова.

- Скажи!

- КАЩЕЙ!

- Ещё!

- КАЩЕЙ!

Он ускорился ещё. Держал её крепко, сам задавал темп, сам решал, когда будет конец. Каждый раз, когда она проносила имя, он усиливал толчок, вбивая членом в её тело новые ритмы мелодии. Её голос срывался, переходил в крик, стекло дрожало от его ударов и ее дыхания... Вдруг он замедлился. Один толчок... второй медленный, тягучий, будто нарочно растягивал момент. А потом совсем остановился, оставаясь внутри неё, полностью, удерживая её согнутой. Добавил еще один, ещё медленнее. И тишина... Его член оставаясь внутри, полностью, без движения. Он держал её согнутой, ладонями прижатой к стеклу. Дышал глубоко, ровно. Смотрел сверху вниз: волосы спадают на её лицо, лопатки дрожат, дыхание рвётся облаками на стекле. Он не спешил. Просто держал, прижимая её ладони к стеклу сильнее. Смотрел сверху вниз, как она стоит, как дышит.

«Сегодня, - сказал он хрипло, сдержанно, — что хочу, то

и делаю». Как всегда.

Он задержался, чуть подался вперёд, мягко вдавив в неё глубже. Его пальцы скользнули по талии, проверяя, что она не двигается. Она выдохнула резко, попыталась пошевелиться, но он сразу прижал сильнее.

-Стой, поняла?

-Да...

-Громче.

-ДА!

Он чуть отстранился, но не вытащил. Держал её, заставляя терпеть паузу, пока внутри всё горело от ожидания.

-Ну? - его голос стал тише, но резче. - Ещё важны слухи? Она стиснула зубы, выдохнула.

-Нет... не важны.

-Громче.

-НЕ ВАЖНЫ!

Он тихо усмехнулся, провёл губами по её шее.

— Вот так. Значит, слушаешь не их, а меня.

И резко вернул движение. Удар - сразу глубоко, резко, так, что её пальцы скользнули по стеклу. Он поймал её руки, вдавил обратно.

-Держи! - приказал он.

-Да!

Кащей ускорился. Каждое движение членом было прямым, жёстким, словно он вбивал её признание в тело. Он шёл всё быстрее, ритм был чистый: вперёд - до конца, назад -

только чтобы снова войти. Повтор, без паузы. Она дёргалась, дрожала, кричала, но он держал её крепко, не давая уйти ни на шаг.

«Стой», — сказал он тихо. - Я ещё не закончил.

Он смотрел сверху вниз. Глаза блестели в темноте, губы были рядом с её ухом. Его дыхание касалось шеи.

«Видишь?» — произнёс он глухо. - Вся ты здесь, в моих руках.

- Никуда не уйдёшь.

Секунду стоял, чувствуя, как она дышит под ним, как её тело дрожит. Его ладонь легла на поясницу, вторая скользнула ниже, между бёдрами. Он провёл пальцами мягко, не торопясь, ощутил тепло и влажность, задержался там, делая круговые движения. Она выгнулась, дыхание сбилось, лоб уткнулся в холодное стекло. Кащей медленно вытащил полностью, и вместо резкого движения, наклонился чуть ближе, взял член в ладонь и мягко провёл вдоль её бедра. Медленно, по линии кожи. Тёплый след оставался на холодной поверхности тела. Он сделал ещё раз - чуть ниже, скользнув ближе к паху, но снова ушёл чуть выше. Она дрожала, шептала его имя, но он не спешил.

«Пусть ждёт. Пусть тело само просит. Я решу, когда войду снова» ... Он задержался у внутренней стороны бедра, слегка коснулся головкой члена, провёл по коже, потом снова вверх - и только тогда вошёл обратно, плавно, без рывка. Она вскрикнула - уже не от резкости, а от напряжённо-

го ожидания, которое он сорвал одним мягким движением. Он двинулся в ней ещё раз - медленно, полностью, словно намеренно растягивая каждый сантиметр. Её тело подалось навстречу, но он снова вытащил член, почти до конца, и ладонью мягко повёл по её животу вниз. Пальцы снова оказались между её бёдер. Он коснулся легко, нежно, задержался на крошечной точке, вокруг которой всё её тело дрогнуло. Он снова задержался у входа. Головка его члена скользнул по её влажным губам медленно, вдоль, по краю, дразня каждое движение. Он нарочно не входил, а вёл по наружным губам, чувствуя, как она отзывается всем телом. Она застонала громче, бедра сами подались назад, прося большего. Он задержался ещё миг у входа, слегка провёл вдоль влаagliariща, обжигая каждое касание, и только после этого вошёл снова - медленно, плавно, глубоко, до конца. Кашей не хотел заканчивать все быстро. Сегодня пусть будет так. Он снова вытащил себя, провёл членом внизу, по её губам, задержался у входа... и опустился на колени сзади. Она замерла, сбитая с толку. Он раздвинул её бёдра шире и подтянул ближе к себе. Его руки легли на ягодицы, развели их, открывая её полностью. Она вздрогнула, вцепилась пальцами в стекло, когда почувствовала, как его горячее дыхание коснулось её влажного клитора.

- Кашей... - прошептала она, не веря, что он это делает. И стеснение и стать, все перемешалось.

Он не спешил. Сначала просто смотрел, как она дрожит,

как её тело откликается, пока он держит её открытой. Потом наклонился и провёл языком вдоль, от входа до самого верха. Он прижался губами плотнее, накрыл её клитор и втянул, дразня кончиком языка, и тут же отпустил. Она вскрикнула, бедра дёрнулись, но его руки держали её крепко, не давая уйти. Он чередовал: мягкие круги языком, короткие рывки, долгие скользящие движения вниз и обратно. Снова вниз - и быстрый толчок языком внутрь, едва касаясь, но этого хватило, чтобы она застонала в голос. Он держал её ягодицы, разводя шире, заставляя принять всё, что он делает.

«Ещё чуть-чуть. Пусть сама попросит. Пусть умоляет».

Он снова прошёл языком вдоль её влагиалища, дразня, снова задержался на клиторе, нежно покусывая его губами, и тут же ушёл вниз. Каждое движение ломало её дыхание, превращало стоны в крики.

- Кашей... войди... пожалуйста... - простонала она, не выдержав.

Он замер, прижался губами ещё раз, и только после этого оторвался. Поднялся, встал за её спиной, взял член в руку. Провёл им по её бедру ещё раз, медленно, аккуратно. Она дернулась, ноги дрожали, руки соскальзывали со стекла. Он вошёл снова - медленно, плавно, до конца, и остановился на секунду. Дал ей ощутить, что он внутри полностью. Она прижалась к стеклу, пальцы дрожали, по его губам скользнула тень улыбки.

«Теперь довести. До самого конца. Чтобы сломалась в мо-

ём ритме».

Он начал двигаться. Не резко - спокойно, глубоко, каждый раз входя до упора. Его бедра задавали ритм, её тело отзывалось сразу: стоны становились громче, дыхание рвалось облаками пара на стекле. Он держал её за талию, второй рукой снова скользнул вниз. Пальцы легли на её клитор, поймали ритм вместе с толчками. Она застонала в голос, ноги дрожали, бёдра пытались уйти, но он держал крепко.

- Держись, - сказал он низко. - Ты кончишь со мной.

Она простонала его имя, голова скользнула по стеклу, волосы прилипли к щеке.

Его пальцы ускорились, движения стали чуть быстрее, но всё ещё плавные, сильные.

«Вот так. Я чувствую, как её тело сжимает меня. Она на грани.

Нужно ещё».

Он замедлился, вышел почти до конца, и снова резко вошёл глубоко. Она вскрикнула, почти закричала его имя, пальцы соскользнули со стекла. Он поймал её ладони, вернул наверх, прижал.

Скажи моё имя.

-Кашей!

-Ещё.

-КАЩЕЙ!

Он усилил ритм. Толчки стали длиннее, быстрее, его пальцы жёстко держали клитор, и она не выдержала. Член

скользил в ней туго, влажно, с каждым толчком слышался тихий влажный звук. Она всхлипывала, дыхание рвалось, грудь тёрлась о стекло. Он двигался уже быстро: толчок - палец, снова толчок - палец. Она уже не могла держаться, голос стал высоким, рваным «Она сжимает меня. Ещё чуть-чуть, и сорвётся, добыю до конца».

Он ускорился. Теперь движения стали резче, глубже, член входил полностью, и каждый раз её тело отдавало дрожью. Пальцы на клиторе работали быстрее, нарастающий круг, давящий прямо в точку. Она кричала громче, стекло звенело от её ладоней. Её мышцы внутри начали сжиматься ритмично, горячо, волнами. Он чувствовал, как она дрожит, выгибается, но не сбавлял темп. Он бил сильнее, быстрее. Толчки стали короткими, быстрыми, почти беспощадными. Его пах хлопал о её ягодицы, звуки отдавались в тишине ночи. Он чувствовал, как её мышцы уже сжимают его рваным ритмом второй раз, как волна оргазма идёт по её телу. Она кричала его имя, спина выгибалась, колени дрожали.

«Ещё. Её тело должно сломаться подо мной. Доведу до конца, не отпущу». Он прижал её талию крепче, зафиксировал позу и перешёл в серию быстрых, коротких толчков, без паузы, без передышки. Его бёдра били о её ягодицы, звук ударов перемешался с её сдавленными криками.

Толчок - ещё - ещё. Член скользил глубоко, влажно, входя до конца. Каждый раз ее мышцы сжимали его, дергались, но он не останавливался. Она закричала его имя в голос, со-

рвалась - тело затрясло, ноги подкосились, колени дрожали. Он держал её, не отпуская, продолжал входить резкими движениями, добывая её оргазм до конца. Он захлестнул второй волной. Девушка дрожала всем телом, бёдра подгибались, мышцы внутри сжимали его без конца. Она пыталась вырваться, но он держал крепко и продолжал входить, пока её крики не сорвались на хрип. Только когда она полностью обмякла в его руках, едва держась на стекле, он немного замедлился. Остановился внутри, тяжело дыша, и прижал её к себе. Она уже почти сползала, но он держал за талию, вёл ритм, пока её крики не перешли в сдавленные всхлипы, а мышцы не перестали сжиматься. Только тогда он замер внутри нее, нависая над ней, тяжело дыша. «Вот. До конца. Теперь она вся моя. И каждая её дрожь - моё имя».

Я прижал ее к себе сильнее. Держу крепко. Мой член был ещё внутри, горячий, напряжённый до предела. Мои движения стали глубже, быстрее, я наклонился к её уху, голос был хриплым, но мягким:

-Милая... ещё чуть-чуть. Держись со мной. - Она едва смогла выдохнуть:

-Да...

Он чувствовал, как напряжение внизу нарастает, как тело рвётся наружу. Толкнул глубже, крепче, дыхание сбилось.

-Я... сейчас... - выдохнул он, целуя её в шею.

Его движения стали быстрыми, короткими, дикими, на пределе всего, он полностью отдался моменту, забыв о всех

правилах. Кашей держал её за талию, прижимая к себе, и с последним толчком сорвался - глубоко, полностью, в нее. Он кончил тяжело, горячими рывками, прижавшись всем телом. Его грудь прижимала её к стеклу, дыхание сбивалось в ухо. Он дрожал вместе с ней, но не отпускал, держал крепко. Её тело ещё отзывалось мелкими спазмами, но он прижал её ладонями к себе, шепнул мягко:

-Всё. Я с тобой. Держу...

Он не торопился выйти, позволил им обоим постоять так, пока дыхание не стало ровнее, пока её дрожь не стихла. Он оставался внутри, тихо целуя её плечо, уже без жёсткости, а с теплом. «Вот так. Она чувствует - не слухи, не слова. А меня. Настоящего». Он медленно вышел из неё, аккуратно придерживая за талию, чтобы она не пошатнулась. Его ладонь легла на её спину, провела вниз - словно проверяя, всё ли с ней в порядке.

Она попыталась оттолкнуться от стекла, но руки дрожали. Он сам помог: взял за плечи, осторожно развернул к себе. Её глаза были влажными, дыхание всё ещё тяжёлым. Её взгляд был рассеянным, губы приоткрыты, щеки горели. Он наклонился, мягко поцеловал её.

-Всё, милая. Спокойно. Я с тобой.

Пальцами поправил её платье: опустил ткань вниз, разгладил складки. Потом обнял, прижал к себе, чтобы она могла уткнуться носом в его шею.

Она висела на нём почти без сил, а он держал крепко, од-

ной рукой обнял, другой провёл по волосам.

-Не падай, - усмехнулся он тихо, но в голосе звучала забота. - Я тебя держу.

Её дыхание стало мягче, ровнее, и она выдохнула уже спокойно:

-Кашей...

-Давай, пойдём, - сказал он тихо, но твёрдо. - Я помогу.

Открыл дверь, придержал ладонью за спину, помог усесться на сиденье.

Потом обошёл, сел за руль. Но прежде, чем завести мотор, протянул руку и взял её ладонь.

— Вот так. Держи меня.

Она сжала его пальцы, и он не убрал руку, ведя машину одной. Всё время держал её ладонь, мягко сжимая. Машина катится по тёмной трассе, внутри - тёплая тишина. Кашей сжимает ее ладонь в своей, она ещё немного запыханная, всё ещё с румянцем на щеках; внешняя ночь плывёт мимо, и свет фар режет горизонт. Девушка нарушила тишину... Тихо, почти шёпотом:

- А если... узнают в компании? Там же слухи пойдут, много парней, всё такое...

Он не отводит взгляда от дороги, но пальцы сжимают её руку крепче. На миг его профиль в зеркале становится чётче, голос - ровным и холодным:

Не узнают. От меня точно. И если узнают - заставлю закрыть рты.

Он смотрит на неё прямо, короткая пауза - взгляд как обещание, рука сжала её пальцы сильнее; потом в уголках губ мелькнула лёгкая, почти спокойная улыбка. Он вновь переводит внимание на дорогу и мягко добавляет, как будто говорит только ей:

-Не думай о них. Я разберусь тихо.

Да, это тоже была его тень. И да, он не собирался от неё бежать...

Глава VIII

Нож

Ресторан дышал полумраком - тем самым, правильным, в котором видно лицо собеседника, но не видно лишних деталей. Дерево на стенах потемнело от времени, свет от подвесных ламп расходился мягкими кругами, тёплыми, как чай, и гас где-то в углах. За соседними столиками говорили тихо, по-деловому; здесь не было ни громкой музыки, ни попыток «понравиться». Место, где не мешают думать. Я пришёл раньше. Всегда прихожу раньше, когда знаю: разговор будет не просто «сверкой позиций», а чем-то более тонким. Разложил ноутбук, открыл презентацию, пробежался по слайдам. Отметил несколько мест, где хотел настоять на своём, и несколько - где был готов уступить, если Алиса начнёт давить логикой, а не эмоциями. Внутри было странно спокойно. Не та пустая тишина, когда всё равно, а та, в которой ты собран и готов. После сегодняшнего дня с аудитом эта вечерняя тишина казалась почти роскошью.

«Она придёт настроенная спорить», - подумал я, глядя на отражение в тёмном экране. Алиса никогда не приходит «просто так», она всегда приходит уже в позиции. Я откинулся на спинку стула, позволил себе короткую паузу. Вспомнился разговор с Сергеем - про внутреннего зверя, про тьму, про то, что её нельзя выпускать просто потому, что кто-то

пытается раскачать твои границы. Сегодня, казалось, зверю придётся сидеть тихо. Вопросы были не того уровня. Дверь ресторана открылась почти бесшумно. И я сразу понял, что это она.

Алиса вошла уверенно, как человек, привыкший входить в любые комнаты так, будто они ему уже принадлежат. На ней было тёмное пальто ровного кроя, никаких лишних деталей - всё в ней было про ясность и контроль. Светлые волосы собраны в низкий хвост, гладко, аккуратно, ни одной выбившейся пряди. Глаза... вот с глазами всё было сложнее. При одном повороте головы они казались насыщенно синими, при другом - уходили в более светлый, почти голубой оттенок, с лёгким холодным зелёным на краю радужки. Как два разных моря под одним небом.

Она на секунду остановилась у входа, окинула зал быстрым, цепким взглядом, нашла меня. Плечи у неё были прямые, шаг - спокойный, но я видел по небольшой жесткости в руках: день её тоже вымотал.

«Вы рано», — сказала она, подходя и усаживаясь напротив. Не вопрос, констатация. - Обычно люди опаздывают на такие встречи.

Обычно люди боятся обсуждать сложные идеи, - ответил я, закрывая ноутбук. - Мне нужно было время подумать.

Она чуть, почти незаметно, приподняла бровь. Не из удивления - из интереса. В её взгляде было это привычное: «хорошо, давай посмотрим, что ты там надумал».

Пришёл официант, мы заказали чай. Она - зелёный, без сахара. Я - чёрный. Официант ушёл, и напряжение, между нами, сразу стало плотнее: два человека, которые слишком хорошо понимают, что от этого разговора зависит больше, чем формат кампании. «Итак», — сказала Алиса, открывая свою папку и разворачивая её, между нами. - Ваши правки по концепции. Давайте начнём с основной линии.

Она переключила на первый блок слайдов, посмотрела на экран, потом на меня.

- Здесь, - постучала она ногтем по картинке, - слишком сильный эмоциональный крен. Образ хороший, но это уже драматургия, а не реклама. Люди не всегда готовы к таким вещам. Люди не всегда готовы к жизни, - спокойно ответил я.

- Но она всё равно с ними происходит. Это не драма, это честность. Я показал пальцем на ту же картинку. Здесь есть смысл. Она цепляет. А то, что цепляет, - работает. Она усмехнулась уголком губ, коротко, колко.

- Мы делаем коммерческий продукт, напомнила Алиса. - А не авторское кино.

- И? - я чуть наклонил голову.

- Коммерческий продукт не отменяет смысла. Я не предлагаю снять трагедию. Я предлагаю дать людям живое, а не пластиковое.

Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди, какое-то время молчала. Я видел, как внутри неё идёт быстрая работа - она проверяла аргументы, прокручивала в

голове реакции клиента, аудитории, риски.

- Смотрите, - начала Алиса уже более собранным, сухим тоном, эмоция — это всегда риск. Человек не всегда понимает, что он чувствует, не всегда может связать это с продуктом. Мы не обязаны вытаскивать его во внутренние процессы. Мы обязаны дать ему понятный крючок и путь к покупке.

«Алиса, - я сказал её имя спокойно, — если человек ничего не чувствует, он ничего и не хочет». Пустой ролик продаёт только привычку. А привычки сейчас меняются слишком быстро.

Она сжала ручку так, что фаланги побелели.

«Вы идеалист», — сказала она. — Это звучит красиво. Но мы отвечаем головой за результат. Если ваша «честность» не зайдёт, то клиент достанется не только вам.

- Я реалист, - возразил я. - И этот реалист почти двадцать лет наблюдает, что работает на людях. Люди устали от фальши. Если мы дадим им хоть что-то настоящее, они это возмут. Но это должна быть правильная доза и правильная форма. Я слегка повернул к ней ноутбук.

Вот здесь - правильная форма.

Она придвинулась ближе, опёрлась ладонью о край стола, наклонилась посмотреть. Свет от лампы упал ей на волосы - и они стали почти совсем светлыми, с тёплым оттенком, как выгоревшее на солнце золото. Пока она рассматривала картинку, её пальцы чуть сдвинулись вперёд и тыльной стороной ладони коснулись моей руки. Едва. На секунду. Но она

это почувствовала. Рука дёрнулась обратно почти мгновенно - слишком резко для случайного жеста. Алиса выпрямилась так, будто спину кто-то потянул струной, взгляд стал ещё жёстче.

- Давайте без этого, - выдохнула она.

«Без чего?» —спросил я, искренне не повышая ни тона, ни бровей.

- Без... - она на секунду запнулась, раздражённо выдохнула. - Без намёков. Я здесь работать пришла.

Я чуть усмехнулся уголком губ, но не так, чтобы её задеть.

- И я тоже, - ответил коротко. - Я только что показывал структуру кадра. Ты сама к нему потянулась.

Она отвела взгляд, и по коже у скулы прошла едва заметная волна - не то румянец, не то злость на саму себя.

- Слишком напряжённый день, - бросила Алиса. - У меня нет ресурса на игры.

«Игры у тебя в голове», - подумал я. Но вслух говорить не стал. Я смотрел на неё, и чем дольше смотрел, тем яснее понимал: она красивая. Не только тем, что видит любой - пропорциями, линией шеи, движением рук. Она красивая концентрацией. Эта собранность, эта внутренняя сталь, эти глаза, меняющие оттенок всё вместе создавало образ человека, которого хочется трогать не руками, а вопросами. И именно поэтому – опасно. Для неё, для меня, для баланса, который мне дороже, чем любое желание.

Официант принёс чай, аккуратно поставил чашки, ушёл

так тихо, будто был тенью. Пара секунд разбавились звонком фарфора, потом тишина снова заполнила пространство, между нами. Алиса сделала глоток, поставила чашку так, чтобы ручка была вывернута точно к ней. Даже в таких мелочах у неё был контроль.

«Давайте так», — сказала она, переключая слайд. — Вот этот блок. Здесь вы предлагаете добавить слова о выборе, о свободе, о том, что «каждый может». Не слишком ли это... громко?

— Это не громко, если сказать без пафоса, - ответил я. - Людям нужно простое напоминание, что жизнь - не только реакция на чужие решения. Мы можем зашить это в две-три фразы, не делая из ролика манифест.

«А если человек этого не чувствует?» —спросила она. - Если он живёт в своей, простите, однушке после смены и смотрит на это с ощущением «а мне-то куда»?

— Значит, он хотя бы на секунду спросит себя, почему ему больно, - сказал я. - И это уже движение. Мы не обязаны спасти его за тридцать секунд экрана. Но если мы дадим ему маленький крючок смысла, это больше, чем ноль.

Она коснулась кончиками пальцев экрана, будто аккуратно, чтобы не оставить следов.

- Вы говорите, как будто вам не всё равно, - произнесла она тихо, не глядя на меня.

- Мне не всё равно, - ровно ответил я. - Иначе я бы не работал с этим.

Я сделал глоток чая, давая ей время. Она подняла глаза - прямо, в упор. В её взгляде было много: раздражение, недоверие, интерес и что-то ещё, в чем она, скорее всего, сама бы себе не призналась.

«Вот это и опасно», — сказала Алиса. - Люди, которым «не всё равно», иногда не замечают, как начинают ломать других под свои идеи.

- А люди, которым всё равно, просто ломают молча, - ответил я. - Разницы по факту немного. Я не собираюсь никого ломать. Я предлагаю. Ты тоже.

Она откинулась назад, снова скрестив руки.

«Ладно», — произнесла. - Вернёмся к структуре. Она переключила слайд.

Так мы и шли по проекту - слайдами, словами, вздохами. Она каждый раз выбирала позицию чуть жёстче, чем требовала логи-ка, я каждый раз оставался спокойнее, чем требовали нормы человеческой реакции. Иногда она перебарщивала с критикой, иногда я намеренно делал шаг назад, чтобы дать ей пространство почувствовать, что её слышат. Чем дальше заходила дискуссия, тем явственнее становилось: спорит она не только за клиента. Спорит за себя. За своё право не доверять. За привычку жить в мире, где любой шаг к чувствам может обернуться болью. Где-то посередине обсуждения она потянулась к ноутбуку, чтобы сама переключить слайд. Я подвигал его к ней, и пальцы чуть коснулись её запястья - коротко, спокойно, без намерения. Вот

здесь, - начал я, - вторая сцена...

Она резко отдернула руку, смотрела прямо, чуть прищурив глаза:

- Александр, я правда не понимаю, вы так всегда общаетесь? Или это особый формат «креативных обсуждений»?

Я усмехнулся, но мягко.

- Алиса, если бы я хотел к тебе подкатывать, ты бы это не перепутала с рабочей коммуникацией, - спокойно сказал я.
- Я просто двигаю ноутбук.

Она замерла на секунду, затем выдохнула через нос, будто признавая, что сама же себя только что подловила.

- Хорошо, - бросила она. - Считаем, что сегодня у меня просто повышенная восприимчивость.

Она опустила взгляд снова на экран.

- Так вот. Здесь всё-таки слишком много... воздуха. Клиент может не понять.

- Клиент поймёт, - возразил я. - Люди понимают воздух лучше, чем перегруженные смыслами кадры. Оставим паузу - и она сыграет.

Она смотрела на картинку долго, удивительно долго для человека, привыкшего принимать решения быстро. И наконец сказала:

- Я подумаю.

Голос был уже не таким холодным. Скорее уставшим. Она чуть прикоснулась пальцами к виску, будто голова ныла от перегрузки, потом убрала руку.

Ты споришь не потому, что идея слабая, - тихо сказал я.
- Ты споришь, потому что она внутри тебя шевельнулась. И это страшно.

Она резко подняла на меня глаза.

-Я спору, - подчеркнула Алиса, - потому что отвечаю за результат. И потому что кто-то в этой системе обязан оставаться прагматиком.

-Ты умная. Ты прекрасно понимаешь, что здесь прагматизма не меньше, чем в «корректных» роликах. Просто здесь тебе придётся признать, что люди имеют право чувствовать, - я откинулся на спинку. - А это, как я понял, то, с чем у тебя сложные отношения.

Она молчала. Долго. Минуту, две. Время растянулось, чай остыл. Потом она обхватила чашку ладонями, согревая руки, и сказала уже намного тише:

- Хорошо.

Слово прозвучало, как шаг на незнакомую поверхность.

-Хорошо. Я согласна попробовать. С корректировками. Завтра утром собираем команду и утверждаем финальную версию, - она посмотрела на меня. -Договорились?

-Договорились, - кивнул я. — Значит, сегодня мы всё-таки не зря спорили.

В комнате стало чуть легче - ненамного, но воздух перестал быть таким плотным. Напряжение не исчезло, оно просто поменяло оттенок: из конфронтации превратилось во что-то более живое, опасно живое. Я поймал себя на том, что

смотрю на неё дольше, чем нужно по деловому протоколу. На прямую линию спины, на тонкие пальцы, на эти глаза, меняющие цвет в зависимости от света. И совершенно честно признал себе: я хочу эту женщину. Но именно потому, что хочу - на данный момент границы должны быть ещё жёстче. Деловая встреча подошла к логическому концу. Всё было проговорено, приняты решения, определён завтрашний шаг. Она закрыла свою папку, аккуратно сложила бумаги, поправила хвост - жест за жестом возвращала себе привычную броню. В этот момент телефон на столе тихо завибрировал... тихо - как будто не хотел разрушать этот странный покой, который завис, между нами, после того, как мы наконец нашли общую точку в проекте. Я взглянул на экран, ответил обычным, деловым голосом:

- Да, я выезжаю. Пятнадцать минут. Нет, не задержусь.

Алиса не шелохнулась, но её лицо... изменилось. Не резко - наоборот, слишком тонко, чтобы заметил кто-то другой. Но я заметил. Как будто внутри неё что-то упало - тяжело, глубоко. На мгновение она опустила взгляд, и в этом опускании было то, о чём она ни за что бы не сказала: Боль. Не обида - а боль, та самая, нелепая, мгновенная, которая приходит оттого, что ты почувствовал чьё-то тепло ближе, чем планировал. Она подняла глаза почти сразу, будто боялась, что я это успел увидеть. Но я видел. Слишком ясно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.